

Курт
Воннегут

XX
век
The BEST

Добро пожаловать
в обезьянник

[рассказы]

XX век – The Best

Курт Воннегут

Добро пожаловать в обезьянник

«Издательство АСТ»

1950, 1951, 1953, 1954, 1955, 1956,
1958, 1960, 1961, 1962, 1964, 1966, 1968

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Воннегут К.

Добро пожаловать в обезьянник / К. Воннегут — «Издательство АСТ», 1950, 1951, 1953, 1954, 1955, 1956, 1958, 1960, 1961, 1962, 1964, 1966, 1968 — (XX век – The Best)

ISBN 978-5-271-44638-2

«Мисс Соблазн». «ЭПИКАК». «Ложь». «Портфель Фостера» и другие рассказы, написанные великим Куртом Воннегутом в «золотой» период его творчества – 1950–1960 годы. Одни из них уже известны отечественному читателю, а другие публикуются на русском языке впервые. Рассказы, вошедшие в состав этого сборника, впервые расставлены именно в том порядке, в каком видел их сам великий американский писатель. И это очень важно, ведь постепенно читатель замечает, как совершенно разные по стилям и сюжетам произведения складываются в единое целое – причудливое и завораживающее...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-271-44638-2

© Воннегут К., 1950, 1951, 1953, 1954,
1955, 1956, 1958, 1960, 1961, 1962,
1964, 1966, 1968

© Издательство АСТ, 1950, 1951, 1953,
1954, 1955, 1956, 1958, 1960, 1961,
1962, 1964, 1966, 1968

Содержание

От автора	6
Где я живу	8
Гаррисон Бержерон	12
Кто я теперь?	17
Добро пожаловать в обезьянник	25
Долгая прогулка в вечность	37
Портфель Фостера	42
Мисс соблазн	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Курт Воннегут

Добро пожаловать в обезьянник

Kurt Vonnegut

Welcome To The Monkey House: A Collection of Short Works e-book

Публикуется с разрешения Kurt Vonnegut LLC и литературного агентства The Wylie Agency (UK) LTD. Copyright © 1950, 1951, 1953, 1954, 1955, 1956, 1958, 1960, 1961, 1962, 1964, 1966, 1968 by Kurt Vonnegut, Jr. All rights reserved

© Школа перевода В. Баканова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

* * *

Посвящается Ноксу Бергеру.

На десять дней меня старше, он стал мне прекрасным отцом.

Остерегайтесь всех дел, требующих нового платья¹.

Г. Торо

---

¹ Пер. З. Александрова.

От автора

2

Итак, перед вами ретроспектива рассказов Курта Воннегута, хотя сам Воннегут еще жив и, между прочим, пишет эти строки. В Германии есть речушка под названием Вонна – от нее и пошло мое диковинное имя.

Я пишу с 1949 года. Я самоучка и не выдумал ни одной складной теории о своем ремесле, чтобы помочь другим людям научиться писать. Взявшись за перо, я просто становлюсь тем, кем вроде бы должен становиться. Во мне шесть футов два дюйма росту, вешу я примерно двести фунтов и очень неуклюж (только плаваю хорошо). Вот эта брэнная плоть, представьте себе, и пишет книги.

Впрочем, в воде я прекрасен.

Мой отец и дед работали архитекторами в Индианаполисе, Индиана, – там я и родился. У дедушки со стороны матери была собственная пивоварня. На Парижской выставке он получил за свое пиво (сорт назывался «Либер лагер») золотую медаль. Секретным ингредиентом был кофе.

Мой единственный брат – на восемь лет старше меня – выдающийся ученый. Он изучает физику туч и облаков. Зовут его Бернард, и у него отменное чувство юмора, куда лучше моего. Помню, после рождения первенца, Питера, он написал мне письмо, которое начиналось такими словами: «Вот сижу и оттираю какашки со всего, что попадает под руку».

Моя единственная сестра – старше меня на пять лет – умерла сорокалетней. Тоже выше шести футов ростом (примерно на ангстрем), она была божественно красива не только под водой, но и на суше. Она была скульптором. Крестили ее Алисой, но она всю жизнь отрицала, что это ее настоящее имя. Я соглашался. Все соглашались. Когда-нибудь – во сне, быть может, – я узнаю, как ее звали по-настоящему.

Перед смертью она сказала: «Уже не больно». По-моему, лучше перед смертью не скажешь. Мою сестру убил рак.

Недавно я осознал, что темы всех моих романов можно свести к этим вот самым словам: «Сижу и оттираю какашки» и «Уже не больно». А в этой книге собраны образцы моей писанины, которые я продавал, чтобы как-то прокормиться и писать романы. Вот они, плоды свободного предпринимательства.

Раньше я работал специалистом по связям с общественностью в «Дженерал электрик», а потом стал свободным художником и писал «легкое чтиво» – главным образом научную фантастику. Сделался ли я от этого лучше, судить не берусь – спрошу у Господа в судный день (и заодно узнаю, как же звали мою сестрицу).

Это запросто может случиться уже в следующую среду.

Я успел спросить об этом одного университетского профессора, когда тот залезал в свой спортивный «мерседес-бенц-гран-туризмо». Он ответил, что работать специалистом по связям с общественностью и писать легкое чтиво – одинаково скверно, ведь и то и другое означает поступаться истиной ради денег.

Я спросил его, какой литературный жанр достоин наибольшего презрения, и он без колебаний сказал: «Научная фантастика». Тогда я спросил, куда он так торопится, и ответ был: «Опаздываю на реактивный самолет». Наутро он собирался выступать с докладом для Ассоциации современного языковедения в Гонолулу. А до Гонолулу было добрых три тысячи миль.

Моя сестра очень много курила. Мой отец очень много курил. И мать. И сам я курю до ужаса много. Брат тоже смолил без конца, а потом вдруг бросил, и это настоящее чудо из разряда библейских.

Однажды на коктейльной вечеринке ко мне подошла девушка и спросила:

– Чем вы теперь занимаетесь?

– Убиваюсь сигаретами, – ответил я.

Она сочла мой ответ смешным. Я – нет. Мне показалось, это ужасно – настолько не любить жизнь, чтобы каждый день травиться канцерогенными палочками. Курю я одну марку: «Pall Mall». Настоящие самоубийцы называют их «Полл-Молл». Дилетанты – «Пэлл-Мэлл».

У меня есть родственник, который втайне от всех пишет историю нашей семьи. Однажды, показывая мне черновики, он сказал про моего деда-архитектора: «Он умер молодым, после сорока. И по-моему, рад был наконец вырваться из всего этого». Под «этим» родственник имел в виду Индианаполис, но дедов страх перед жизнью, видно, передался и мне.

Министерство здравоохранения ни за что не признается, почему американцы так много курят. Все просто: курение – относительно верный и относительно благородный способ покончить с собой.

Стыд мне и позор за то, что когда-то я тоже хотел «вырваться», – больше не хочу. У меня шестеро детей, трое собственных и трое достались от сестры. Все они прекрасно устроились в жизни. Мой первый брак удался – и до сих пор меня радует. Моя жена все еще очень красива.

Вообще-то я ни разу не видел, чтобы у писателей были некрасивые жены.

В честь нашего удачного союза включаю в сборник отвратительно приторную любовную историю, написанную для «Дамского журнала», где ее озаглавили – прости, Господи! – «Долгой прогулкой в вечность». Помнится, я-то называл ее иначе: «Черт знает что такое».

В ней описан один день, выпавший нам с будущей женой. Позор, позор! – в моей жизни действительно было место историям из женского журнала.

Как-то раз в «Нью-Йоркер» про мою книгу «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» написали следующее: «Не роман, а сплошное самовлюбленное зубоскальство». Возможно, с этой книгой вышло иначе. А возможно, читателю лучше сразу вообразить меня девицей с рекламного плаката «Уайт-рок», которая присела на камень в одной ночной сорочке и не то высматривает пескариков в озере, не то любит собственным отражением.

Где я живу

3

Однажды в здание старейшей американской библиотеки – библиотеки Стерджеса в Барнстейбл-Виллидж, что на северном берегу Кейп-Кода, – заглянул один коммивояжер, торгующий энциклопедиями. Ознакомившись с каталогом, он обратил внимание озабоченного библиотекаря на то, что самые современные справочные издания в нем – это «Британника» 1938 года и «Американа» 1910-го. А ведь с 38-го года случилось немало важного: изобрели пенициллин, Гитлер вторгся в Польшу и так далее.

Коммивояжеру посоветовали выразить свое недоумение руководству библиотеки, даже продиктовали имена и адреса. В списке значились господа Кабо, Лоуэлл, Киттрэджд и другие. Библиотекарь намекнула, что ему, возможно, удастся поймать всех директоров разом: они обычно собираются в Барнстейблском яхт-клубе. Едва не сломав шею на ухабах – призванных, видимо, охлаждать пыл лихачей и по возможности их уничтожать, – коммивояжер спустился по узкой дороге к яхт-клубу.

Ему очень хотелось мартини, но он не знал, обслуживают ли в баре посторонних. Вскоре коммивояжеру открылось ужасное зрелище: яхт-клуб представлял собой ветхий сарай шириной четырнадцать футов и тридцать длиной – эдакий кусочек Озарка в Массачусетсе. Внутри стоял рассохшийся до неприличия стол для пинг-понга, плетеная корзина для потерянных вещей с вонючим пропыленным содержимым да несчастное пианино, несколько лет подряд служившее тазом для сбора воды с прохудившейся крыши.

Ни бара, ни телефона, ни электричества. Да и членов клуба нигде не было видно. Вдобавок в гавани не осталось ни капли воды: знаменитые кейп-кодские волны, достигающие порой четырнадцати футов в высоту, сгнули с отливом и возвращаться, по-видимому, не собирались. Так называемые «яхты» – древние дощатые «Род-18», «биттлкэт» и парочка «бостон-уэйлер» – лежали в синевато-коричневой жиже на дне гавани. Над жижей вопили и хлопали крыльями чайки с крачками, безудержно радуясь каждой новой лакомой находке.

Были там и люди: несколько человек выкапывали огромных, с куропатку, моллюсков из песка Санди-Нек – косы длиной десять миль, отделяющей гавань от ледяного залива. Утки, гуси, цапли и всевозможные водоплавающие копошились в большом соленом болоте с западной стороны гавани. А у самого входа в гавань лежал на боку шестифутовый марблхедский ял, дожидавшийся возвращения воды. С таким килем ему вообще не стоило подходить к здешним берегам.

Равнодушный к окружающим природным красотам и буйству жизни, коммивояжер окончательно пал духом и поплелся обедать. Поскольку судьба привела его в самый процветающий округ Новой Англии – округ Барнстейбл – и поскольку процветал он исключительно за счет туристов, коммивояжер рассчитывал на относительное изобилие ресторанов и закусовых в округе, но вынужден был довольствоваться хромированным стулом у пластиковой стойки крайне безобразного и даже близко не колониального заведения под названием «Универсальный магазин Барнстейбла» – еще один кусочек Озарка, озаркский универмаг. Девиз магазина звучал так: «Все хорошее – у нас. Все плохое мы уже продали».

После обеда коммивояжер вновь отправился на поиски руководства библиотеки. На сей раз его направили в деревенский музей, расположенный в старом кирпичном здании таможни. Здание это – памятник давно минувшей эпохи, когда гавань еще не была заполнена синевато-коричневой жижей и в нее заходили нормальных размеров суда. В музее директоров не оказалось, а экспозиции навевали смертельную тоску. Коммивояжер почувствовал, как

---

³ © Перевод. Екатерина Романова, 2012.

его душит апатия – хворь, поражающая едва ли не каждого случайного посетителя Барнстейбл-Виллидж.

Чтобы излечиться от нее, надо прыгнуть в машину и с ревом умчаться навстречу коктейльным барам, мотелям, кегельбанам, сувенирным лавкам и пиццериям Хайаннис-Порта – коммерческого сердца Кейп-Кода. Именно так наш коммивояжер и поступил. В Хайаннисе он попробовал развеять тоску на поле для мини-гольфа, которое называлось «Страна развлечений». В ту пору оно обладало весьма досадной особенностью, характерной для всего южного побережья Кейп-Кода: его разбили на лужайке, где когда-то помещался пост Американского легиона, и прямо среди изящных мостиков и посыпанных пробковой крошкой дорожек громоздился танк «шерман» – памятник ветеранам Второй мировой.

Памятник потом убрали, но он по-прежнему стоит на южном побережье, где рано или поздно попадет в окружение новых оскорбительных гнусностей.

Честь танка осталась бы незапятнанной в Барнстейбл-Виллидж, но деревня наотрез отказалась его принимать. Это у деревни такая политика: никогда ни с чем не соглашаться. В результате перемены в Барнстейбле происходят не чаще, чем меняются шахматные правила.

Самая большая за последние годы перемена коснулась избирательных участков. Еще шесть лет назад наблюдателями на выборах и со стороны демократов, и со стороны республиканцев были одни только республиканцы. Теперь же от демократов приходят свои наблюдатели. Впрочем, последствия этого чудовищного переворота не так чудовищны, как можно предположить, – до поры до времени.

Еще одно нововведение коснулось казначейства местного драмкружка – «Барнстейблского клуба юмористов». Казначей, который на протяжении тридцати лет злобно отказывался сообщить членам клуба, сколько денег они скопили (опасаясь, что те немедленно все растратят), в прошлом году ушел на пенсию, и новый казначей наконец объявил баланс: четыреста долларов с небольшим. Их в самом деле тут же потратили на покупку нового занавеса цвета тухлого лосося. Мертвецкая шторка в конце концов предстала на суд зрителей в день премьеры «Трибунала над бунтовщиком с “Кейна”». В новой постановке капитан Куигг уже не крутил в руке стальные шарики – их упразднили за непристойностью намека.

Другая важная перемена случилась около шестидесяти лет назад, когда вдруг выяснилось, что тунец съедобен. Раньше барнстейблские рыбаки называли его «конской макрелью» и громко ругались, завидев в сетях эту рыбу. Продолжая ругаться, они рубили ее на куски и выбрасывали обратно – в назидание остальным тунцам. Из отваги или просто-напросто глупости тунец никуда не ушел и в результате стал гвоздем Барнстейблского тунцового фестиваля, на который – к вящему удивлению поселян – съезжаются рыбаки со всего Восточного побережья. Ни один из них ни разу ничего не поймал.

Есть еще одно открытие, которое жителям Барнстейбл-Виллидж только предстоит сделать: употребление в пищу мидий не приводит к мгновенной смерти. Барнстейблская гавань местами забита ими под завязку, но никто их и пальцем не трогает. Причиной такой неприязни, впрочем, может быть изобилие других деликатесов, значительно более простых в приготовлении: полосатого окуня и венерок. Чтобы добыть последних, достаточно сразу после отлива ковырнуть песок в любом приглянувшемся месте. Чтобы поймать окуня, нужно поднять глаза к небу, найти живой конус из морских птиц и закинуть удочку в то место, где вершина конуса соприкасается с водой, – там-то и кормятся окуни.

Что еще сулит будущее: нескольким кейп-кодским деревушкам, возможно, удастся пережить алчную пору туристического бума и не потерять души. Г. Л. Менкен однажды сказал: «Никому и никогда еще не удавалось преувеличить вульгарность американского народа». Судя по огромным состояниям, которые сколачиваются на этой вульгарности, великий журналист был прав. Но душа Барнстейбл-Виллидж, быть может, уцелеет.

Во-первых, это не туристическая деревня, где все сдаётся, а половина домов зимой пустует. Большинство местных живут здесь круглый год – и это не пенсионеры, почти все они работают: плотниками, продавцами, каменщиками, архитекторами, учителями, писателями и кем угодно. Это бесклассовое общество, временами чересчур любвеобильное и сентиментальное.

Их дома – изъеденные термитами и плесенью, но вполне готовые простоять еще столетие-другое – строятся вплотную друг к другу вдоль Мейн-стрит с конца Гражданской войны. Строительным компаниям попросту негде творить здесь свои бесчинства во благо экономики страны. На западе простирается обманчиво зеленый луг, но это соленое болото, синевато-коричневая жижа, прикрытая ковриком спартины. Именно «соленое сено», кстати, в 1639-м привлекло сюда переселенцев из Плимута. На болоте, затканном глубокими ручьями, по которым можно пройти на небольшой лодке, ни один нормальный человек ничего строить не станет. С каждым приливом оно целиком уходит под воду, а во время отлива выдерживает разве что вес человека и его собаки, не больше.

Застройщики и коммерсанты однажды задумали окультурировать Санди-Нек – тонкую длинную косу живописных дюн, что окаймляет гавань с севера. Дюны эти украшены весьма причудливым лесом: мертвыми деревьями, которые сперва задушил песок, а потом вновь обнажил ветер. Внешний пляж – практических применений ему не счесть – мог бы красотой своей затмить пляжи Акапулько. Как ни удивительно, здесь есть даже пресная вода. Но местные власти, слава Богу, выкупили весь Санди-Нек, кроме самого кончика у входа в гавань, и хотят разбить тут общественный парк – а значит, окультуривание здешним землям не светит.

На кончике косы, не выкупленном властями, расположилось крохотное поселение – домики теснятся вокруг заброшенного маяка, в далекие времена указывавшего путь большим судам, что входили в гавань и выходили из нее. До разбитой, выбеленной солнцем и морским ветром деревушки можно добраться только на лодке или вездеходе. Там нет ни электричества, ни телефонных линий, но зато она расположена меньше чем в миле от Барнстейбл-Виллидж – эдакий частный курорт для местных жителей.

Весь этот очаровательный, старомодный, слегка ксенофобский деревенский шарм вполне объяснял бы гордое звание «последнего оплота истинных кейпкодцев», если бы не одно «но»: среди жителей Барнстейбл-Виллидж почти не осталось тех, кто родился на Кейп-Коде. Как окаменелое дерево образуется из минералов, постепенно заменяющих собой органику, так и современный окаменелый Барнстейбл-Виллидж населен людьми из Эванстона, Луисвилла, Бостона, Питсбурга и бог знает откуда еще, постепенно заменяющими коренных деревенских янки.

Если бы истинные кейпкодцы восстали из могил на церковном погосте, сбросили красивые резные надгробия и посетили собрание Барнстейблского гражданского общества, они бы, несомненно, одобрили происходящее. Любое предложение, вынесенное на суд этой организации, яростно обсуждается и отвергается – лишь раз все единодушно проголосовали за покупку новой сирены для кареты «скорой помощи». Сирена делает «биип-биип-биип» вместо «vrrrrr» и слышна на расстоянии трех миль.

В библиотеке, кстати, есть теперь и новая «Британника», и «Американа» – приобретения эти ничего не стоили руководству, ведь деньги лезут у них из ушей, – но оценки школьников и разговоры взрослых от этого не шибко изменились.

Поскольку местные живут для себя, а не для туристов (которых быстренько выпроваживают в направлении окрестных туристических эдемов), случайным приезжим трудно найти здесь хоть что-то притягательное или мало-мальски приятное. Если хотите быстро понять, насколько здесь хорошо, советую посетить церковь Святой Марии на Мейн-стрит, во владениях которой разбит самый пленительный церковный сад Америки. Сад этот – дело рук одного

человека, Роберта Николсона, епископального священника и очень славного человека, который умер молодым.

На одной коктейльной вечеринке (в деревне, кстати, много пьют) отец Николсон долго пытался объяснить католику и иудею причину столь крепкого духовного единения местных жителей. В конце концов он нашел объяснение. «Мы друиды», – сказал он.

1964

Гаррисон Бержерон

4

Был год 2081-й, и в мире наконец воцарилось абсолютное равенство. Люди стали равны не только перед Богом и законом, но и во всех остальных возможных смыслах. Никто не был умнее остальных, никто не был красивее, сильнее или быстрее прочих. Такое равенство стало возможным благодаря 211, 212 и 213-й поправкам к Конституции, а также неусыпной бдительности агентов Генерального уравнивателя США.

Однако в мире по-прежнему не все ладилось. Апрель, к примеру, до сих пор сводил людей с ума отнюдь не весенней погодой.

Именно в этот ненастный месяц уравниватели отняли у Джорджа и Хейзел Бержерон их четырнадцатилетнего сына Гаррисона. Трагедия, конечно, но Джордж и Хейзел не могли долго переживать на этот счет. У Хейзел был безупречно средний ум – то есть думала она короткими вспышками, – а Джордж, умственные способности которого оказались выше среднего, носил в ухе маленькое уравнивающее радио. Закон запрещал его снимать. Радио было настроено на единственную, правительственную, волну, которая каждые двадцать секунд передавала резкие громкие звуки, не позволяющие людям вроде Джорджа злоупотреблять своим умом.

Джордж и Хейзел смотрели телевизор. По щекам Хейзел текли слезы, но она на какое-то время забыла почему.

По телевизору показывали балерин.

В ухе Джорджа сработал сигнал. Мысли тут же разбежались в разные стороны точно воры от сработавшей сигнализации.

– Очень красивый танец, – сказала Хейзел.

– А?

– Танец, говорю, красивый.

– Ага, – кивнул Джордж и попытался подумать о балеринах. Танцевали они не очень-то хорошо – да и любой другой на их месте станцевал бы точно так же. На руках и ногах у них висели противовесы и мешочки со свинцовой дробью, чтобы никто при виде изящного жеста или хорошенького лица не почувствовал себя безобразной. Джорджу пришла в голову смутная мысль, что уж балерин-то не стоило бы уравнивать с остальными. Но как следует задуматься об этом не получилось: очередной радиосигнал распугал его мысли.

Джордж поморщился. Две из восьми балерин поморщились вместе с ним.

Хейзел заметила это и, поскольку ее мысли ничем не уравнивали, спросила Джорджа, какой звук передали на этот раз.

– Как будто стеклянную бутылку молотком разбили, – сказал Джордж.

– Вот ведь здорово: все время слушать разные звуки, – с легкой завистью проговорила Хейзел. – Сколько они всякого напридумывали!

– Угу, – сказал Джордж.

– А знаешь, что бы я сделала на месте Генерального уравнивателя? – Хейзел, кстати, была до странности похожа на Генерального уравнивателя – женщину по имени Диана Мун Клэмперс. – Будь я Дианой Мун Клэмперс, я бы по воскресеньям передавала только колокольный звон. Из религиозных соображений.

– Да ведь с колокольным звоном всякий сможет думать, – возразил Джордж.

– Ну... можно сигнал погромче сделать. Мне кажется, из меня бы вышел хороший Генеральный уравниватель.

– Не хуже других, уж точно, – сказал Джордж.

– Кому, как не мне, знать, что такое норма!

– Ну да.

В голове Джорджа забрезжила мысль об их аномальном сыне Гаррисоне, который теперь сидел в тюрьме, но салют из двадцати одной салютной установки быстро ее прогнал.

– Ух, ну и грохот был, наверное! – воскликнула Хейзел.

Грохот был такой, что Джордж побелел и затрясся, а в уголках его покрасневших глаз выступили слезы. Две из восьми балерин рухнули на пол, схватившись за виски.

– Что-то у тебя очень усталый вид, – сказала Хейзел. – Может, приляжешь на диван? Пусть мешок полежит немного, а ты отдохни. – Она имела в виду сорокасемифунтовый мешок с дробью, который с помощью большого замка крепился на шее Джорджа. – Я не возражаю, если мы с тобой чуточку побудем неравны.

Джордж взвесил уравнивающий мешок на ладонях.

– Да ладно, – сказал он, – я его и не замечаю вовсе. Он давно стал частью меня.

– Ты последнее время ужасно усталый... как выжатый лимон, – заметила Хейзел. – Вот бы проделать в мешке маленькую дырочку и вынуть несколько дробинок. Самую малость.

– Два года тюремного заключения и две тысячи долларов штрафа за каждую извлеченную дробинку, – напомнил ей Джордж. – По-моему, игра не стоит свеч.

– Ну, мы бы незаметно их вытаскивали, пока ты дома... ты ведь ни с кем тут не соперничаешь, просто отдыхаешь, и все.

– Если я попробую что-нибудь такое проверить, остальные люди тоже начнут пытаться – и скоро все человечество вернется к прежним смутным временам, когда каждый соперничал с другим. Разве это хорошо?

– Ужасно, – ответила Хейзел.

– Вот видишь, – сказал Джордж. – Когда люди начинают обманывать законы, что происходит с обществом?

Если бы Хейзел не сумела ответить на вопрос, Джордж бы ей не помог: в голове у него завывала сирена.

– Наверное, оно бы развалилось на части, – сказала Хейзел.

– Что? – непонимающе переспросил Джордж.

– Ну, общество, – неуверенно протянула его жена. – Разве мы не об этом говорили?

– Не помню.

Телевизионная программа вдруг прервалась на срочный выпуск новостей. Невозможно было сразу понять, что хочет сказать ведущий, поскольку все ведущие на телевидении страдали серьезными дефектами речи. С полминуты он пытался выговорить «Дамы и господа», но наконец отчаялся и протянул листок балеринам.

– Ничего страшного, – сказала Хейзел о ведущем. – Он хотя бы попробовал, а это уже много значит – пытаться превозмочь свои силы. Я считаю, его должны повесить.

– Леди и джентльмены! – прочитала балерина. Видимо, она была необычайно красива, потому что ее лицо скрывала отвратительная маска. А по большим уравнивающим мешкам – такие надевали только на двухсотфунтовых здоровяков – было ясно, что она сильнее и грациознее остальных танцовщиц.

Ей тут же пришлось извиниться за голос – ему могли позавидовать многие женщины. Не голос, а теплая нежная мелодия.

– Простите... – выдавила она и продолжила читать каркающим хрипом: – Несколько часов назад из тюрьмы сбежал четырнадцатилетний преступник, Гаррисон Бержерон, который строил заговор по свержению существующего правительства. Он не носит уравнивающих приспособлений, чрезвычайно умен, силен и крайне опасен.

На экране появилась фотография Гаррисона из полицейского участка – сначала ее показали вверх ногами, потом перевернули набок, потом наконец выровняли. На фотографии Гар-

рисунок был запечатлен в полный рост рядом с масштабной линейкой. Ростом он был ровно семь футов.

Вся остальная внешность Гаррисона была сплошной свинец и маскарад. Никто еще не носил столько уравнивающих мешков и масок, сколько Гаррисон, никто не вырос из них быстрее, чем сотрудники из Генерального уравнивающего бюро успевали придумать новые. Вместо крошечного ушного радио он носил огромные наушники, а на глазах у него были очки с толстыми волнистыми линзами: они предназначались не только для того, чтобы испортить Гаррисону зрение, но и чтобы вызвать неутрачиваемые головные боли.

Все его тело обвесили железом и свинцом. Обычно уравнивающие приспособления выглядели симметрично, по-военному строго и аккуратно, но Гаррисон смахивал на ходячую свалку. В гонке жизни он вынужден был носить на себе триста фунтов лишнего веса.

Чтобы никто не догадался, как он привлекателен, уравниватели надели ему на нос красный клоунский шарик, сбрили брови, а на ровные белые зубы в случайном порядке нацепили черные колпачки.

– Если вы встретите этого юношу, – сказала балерина, – не пытайтесь – повторяю, не пытайтесь – его вразумить!

Раздался скрип и лязг сорванной с петель двери.

В телевизоре испуганно закричали. Фотография Гаррисона Бержерона на экране запрыгала, словно танцует под музыку землетрясения.

Джордж Бержерон правильно установил причину этого катаклизма: его собственный дом не раз сотрясала та же сокрушительная мелодия.

– О Боже... – выдавил он, – да ведь это, верно, Гаррисон!

Радостную мысль немедленно выдуло из головы оглушительным грохотом автомобильной катастрофы.

Наконец Джордж открыл глаза: фотография Гаррисона исчезла с экрана. Зато в нем появился живой, самый настоящий Гаррисон.

Огромный, лязгающий, в клоунском наряде, его родной сын стоял посреди студии, все еще сжимая ручку сорванной с петель двери. Балерины, технические специалисты и ведущие съезжились у его ног, готовясь к смерти.

– Я император! – взревел Гаррисон. – Слышали? Я император! Вы все должны мне подчиняться! – Он топнул ногой, и стены студии содрогнулись. – Даже сейчас, пока я стою здесь покалеченный, хромой и жалкий, я – самый могущественный властелин из когда-либо живших на Земле! А теперь следите за моим преображением!

Легко, точно мокрую туалетную бумагу, Гаррисон сорвал с себя уравнивающую сбрую, способную выдержать груз в пять тысяч фунтов.

Железные грузила рухнули на пол.

Гаррисон запустил пальцы под дужку амбарного замка, которым крепились к шее головные уравнивающие приспособления, и дужка треснула, точно стебелек сельдерея. Он сорвал с себя наушники с очками и разбил их о стену, затем отшвырнул в сторону красный клоунский нос.

Посреди студии стоял юноша, красоте которого мог бы преклоняться сам Тор, бог грома и бури.

– А теперь я выберу себе императрицу! – заявил Гаррисон, оглядывая съезжившихся на полу людей. – Первая женщина, которая осмелится встать на ноги, да станет законной владычицей моего сердца и трона!

В следующий миг, покачиваясь, точно ива на ветру, с пола поднялась одна балерина.

Гаррисон вынул уравнивающее радио из ее уха и с поразительной нежностью убрал с плеч уравнивающие мешки. В последнюю очередь он снял с балерины маску.

Она была ослепительно красива.

– А теперь, – сказал Гаррисон, беря за руку свою избранницу, – мы покажем этим людям, что значит танцевать! Музыка! – скомандовал он.

Музыканты поспешно заняли свои места, и Гаррисон снял с них уравнивающие приспособления.

– Играйте на всю катушку, – велел он музыкантам, – и я сделаю вас баронами, князьями и графами.

Заиграла музыка. Поначалу она была самая обыкновенная: дешевая, глупая, фальшивая. Но Гаррисон схватил в руки по музыканту, замахал ими, точно дирижерскими палочками, и пропел нужную мелодию. Потом водрузил музыкантов на место.

Музыка зазвучала снова – гораздо бойчее.

Гаррисон и императрица сначала просто слушали ее – с серьезным сосредоточенным видом, точно подстраивая сердцебиение под музыкальный ритм.

Затем встали на цыпочки.

Гаррисон обхватил ручищами тонкую талию девушки, давая ей в полной мере прочувствовать свою новую легкость.

А потом грянул взрыв радости и красоты – бах! – и они взлетели в воздух, нарушая не только все законы страны, но и законы физики.

Они порхали, кружились, качались, летали, резвились, прыгали и выделяли коленца.

Они скакали точно лунные лани.

Студия была высотой тридцать футов, но каждый прыжок приближал танцоров к потолку.

Они явно вознамерились его поцеловать.

И поцеловали.

А потом, силой собственной воли и любви уничтожив гравитацию, они зависли под потолком и долго, долго целовались.

Именно в это мгновение Диана Мун Клэмперс, Генеральный уравниватель США, вбежала в студию с двустольным дробовиком десятого калибра в руках. Она сделала два выстрела, и император с императрицей умерли еще до того, как упали на пол.

Диана Мун Клэмперс перезарядила дробовик, прицелилась в музыкантов и дала им десять секунд на то, чтобы снова надеть уравнивающие мешки.

Тут телевизор Бержеронов выключился.

Хейзел хотела сказать Джорджу, что отключили электричество, но его не оказалось рядом: он ушел на кухню за пивом.

Джордж вернулся с банкой в руке и на секунду замер от громкого сигнала в ухе. Затем наконец сел.

– Ты плакала? – спросил он Хейзел.

– Угу.

– Почему?

– Забыла... По телевизору что-то очень грустное показывали.

– А что?

– В голове все перемешалось, не вспомнить, – ответила Хейзел.

– Ну и славно, грустное надо забывать, – сказал Джордж.

– Я так и делаю.

– Умница моя! – похвалил ее Джордж и весь съежился: в голове у него прогремел ружейный выстрел.

– Ух... ну и грохот, я вам скажу! – воскликнула Хейзел.

– Можешь сказать еще раз.

– Ух... ну и грохот! – повторила Хейзел.

1961

Кто я теперь?

5

«Клуб парика и маски Северного Кроуфорда» – любительский драмкружок, в котором я состою, – проголосовал за то, чтобы весной поставить «Трамвай “Желание”» Теннесси Уильямса. Дорис Сойер, наш бессменный постановщик, неожиданно отказалась от участия: у нее разболелась мама. Еще она заявила, что кружку давно пора воспитывать новых постановщиков, ведь она не вечна, пусть и благополучно дожила до семидесяти четырех.

Так я стал постановщиком, хотя до сих пор ставил только противоураганные окна и заслоны, которыми сам же и торговал. Да-да, я продавец противоураганных окон, дверей и иногда – душевых кабин. Что же касается театральной сцены, самой моей важной ролью до сего дня был либо дворецкий, либо полисмен – не знаю, кого из них играть престижней.

Прежде чем согласиться на должность постановщика, я выдвинул кружку немало собственных условий, ключевым из которых было позвать на главную роль Гарри Нэша, единственного настоящего актера «Клуба парика и маски». Чтобы вы получили какое-то представление о многогранном таланте Гарри Нэша, перечислю вам его роли за один только прошлый год: капитан Куигт в «Трибунале над бунтовщиком с “Кейна”», Эйб Линкольн в спектакле «Линкольн в Иллинойсе» и, наконец, молодой архитектор в «Синей луне». В этом году Гарри сыграл Генриха VIII в «Тысяче дней Анны», Дока в «Вернись, малышка Шеба», а теперь еще я прочил ему роль Стенли, которую в фильме Элии Казана играет Марлон Брандо. Гарри не явился на собрание кружка и потому не мог согласиться или отказаться. Он никогда не посещал собрания – и вовсе не из-за важных дел, а потому что стеснялся. Гарри не был женат и даже не ходил на свидания, близких друзей у него тоже не было. На собрания он не приходил, поскольку без сценария не мог выдать из себя ни слова.

Словом, на следующий день мне пришлось отправиться в скобяную лавку Миллера, где Гарри работал продавцом, и спросить его лично, согласен он на роль или нет. По дороге я зашел в контору телефонной компании, откуда мне почему-то прислали счет за звонок в Гонолулу, хотя я никогда в жизни в Гонолулу не звонил.

За окошком сидела дивной красоты девушка, которая вежливо объяснила мне, что компания установила новую машину для выписывания счетов, которая пока не отлажена и иногда ошибается.

– Вряд ли хоть один житель Северного Кроуфорда когда-нибудь позвонит в Гонолулу, – заметил я.

Пока девушка делала перерасчет, я спросил ее, местная ли она. Девушка ответила, что нет: телефонная компания прислала ее обучить местных сотрудниц обращаться с новой машиной. Закончит с этой – отправится в какой-нибудь другой город, обучать других сотрудников.

– Что ж, пока вместе с машинами присылают людей, за мир можно не опасаться.

– Простите? – не поняла девушка.

– Вот если машины начнут приезжать сами, тогда пиши пропало.

– А-а, – равнодушно протянула девушка. Видимо, тема ее не очень интересовала, да и все остальное как будто тоже. С виду она была какая-то деревянная – сама почти машина, генерирующая вежливые ответы от имени телефонной компании.

– И долго вы здесь пробудете? – спросил я.

– В каждом городе я провожу ровно два месяца, сэр, – ответила девушка. У нее были прекрасные голубые глаза, но в них не горело ни намека на любопытство или надежду. Она рассказала мне, что ездит из города в город уже два года – и везде чужая.

Мне пришло в голову, что из нее могла бы получиться отличная Стелла, жена героя Марлона Брандо, жена персонажа, на роль которого я хотел взять Гарри Нэша. Словом, я рассказал ей о нашем драмкружке и заверил, что все мы будем очень рады, если она придет на пробы.

Девушка очень удивилась и даже немного оттаяла.

– Знаете, мне еще никогда не предлагали поучаствовать в каком-то общем деле.

– Посудите сами: нет лучше способа быстро познакомиться со множеством хороших людей, чем сыграть с ними в спектакле.

Девушка сказала, что ее зовут Хелен Шоу, и – к нашему обоюдному удивлению – согласилась прийти на пробы.

Вам может показаться, что Северный Кроуфорд был по горло сыт игрой Гарри Нэша, раз он сыграл в стольких спектаклях. Но на самом деле публика могла любоваться Гарри вечно, потому что на сцене он переставал быть собой и полностью вживался в роль. Когда в актовом зале районной средней школы бордовый занавес взмывал к потолку, Гарри душой и телом перевоплощался в того, кем ему полагалось быть по сценарию.

Однажды кто-то сказал, что Гарри следует обратиться к психиатру – мол, это поможет ему добиться успехов и в настоящей жизни. Глядишь, женится и найдет себе работу получше, чем торговать железками в лавке Миллера за пятьдесят долларов в неделю. Лично я не представляю, что бы такого мог разузнать о нем психиатр, чего уже не знал весь город. Беда с Гарри в том, что его младенцем оставили на ступенях унитарийской церкви, и ему так и не удалось найти своих родителей.

Когда я сказал Гарри, что меня выбрали постановщиком и что я хочу пригласить его на роль в новом спектакле, он задал мне тот же самый вопрос, который задавал всем, кто предлагал ему роль, – и это довольно грустно, если задуматься:

– А кто я теперь?

Наконец пришло время проб. Я устроил их в обычном месте: в аудитории на втором этаже публичной библиотеки. Дорис Соьер, наш бессменный постановщик, пришла поделиться со мной богатым театральным опытом. Мы с ней уселись наверху и стали по одному вызывать к себе кандидатов, собравшихся на первом этаже.

Гарри Нэш тоже явился на пробы, хотя то была напрасная трата времени. Сдается мне, он просто хотел еще немножко поиграть.

Чтобы сделать ему – и себе – приятное, мы с Дорис попросили его разыграть тот эпизод, где его герой избивает жену. Уже одна эта сцена в исполнении Гарри могла бы сойти за целый спектакль, и автором пьесы был явно не Теннесси Уильямс. К примеру, у Теннесси Уильямса не было ни слова про то, как Гарри Нэш, ростом пять футов восемь дюймов и весом сто сорок пять фунтов, берет в руки сценарий и мигом становится еще на четыре дюйма выше и на пятьдесят фунтов тяжелее. На Гарри был куцый двубортный пиджачок от костюма, в котором он ходил еще на школьный выпускной, и крошечный красный галстук с конской головой. Гарри снял пиджак и галстук, расстегнул воротник и повернулся к нам с Дорис спиной, чтобы как следует распалиться. Рубашка его оказалась порванной на спине, хотя и выглядела довольно новой: Гарри нарочно порвал ее для роли, чтобы еще больше походить на Марлона Брандо.

Наконец он обернулся к нам с Дорис: огромный, красивый, самодовольный и жестокий. Дорис читала роль Стеллы, и Гарри так запугал древнюю старушку, что та в самом деле возмнила себя молоденькой беременной девчонкой, выскочившей замуж за похотливого орангутанга, который вот-вот вышибет из нее мозги. Я тоже в это поверил. Сам я читал слова Бланш, старшей сестры Стеллы, и, ей-богу, Гарри даже во мне открыл неизвестно откуда взявшуюся увядающую алкоголичку с Юга.

А потом, когда мы с Дорис потихоньку приходили в себя после пережитого – точно очутились после наркоза, – Гарри отложил сценарий, повязал галстук, надел пиджак и вновь превратился в обыкновенного бледного продавца из скобяной лавки.

– Ну как, нормально? – спросил он, искренне опасаясь, что не получит роль.

– Что ж, для первого чтения сойдет, – ответил я.

– Как думаете, я получу роль? – Не знаю, почему он всегда делал вид, что роль может ему не достаться.

– Мы уверенно склоняемся именно к вашей кандидатуре, – проговорил я.

Гарри очень обрадовался.

– Спасибо! Спасибо огромное! – воскликнул он и пожал мне руку.

– Не видели там внизу красивую молоденькую девушку? – спросил я, имея в виду Хелен Шоу.

– Не заметил, – ответил Гарри.

Хелен действительно пришла на пробы – и разбила сердце нам с Дорис. Мы сперва решили, что в «Клубе парика и маски Северного Кроуфорда» наконец появилась по-настоящему красивая и молодая актриса: вместо юных девушек нам, как правило, приходилось всучивать зрителю потрепанных жизнью сорокалетних дам.

Но в Хелен Шоу не оказалось ни грамма актерского дара. Какую бы сцену ей ни давали, она оставалась той же очаровательной девушкой с заранее заготовленной улыбкой для недовольных клиентов.

Дорис попыталась ее вразумить, объяснить, что Стелла – очень страстная девушка и полюбила неандертальца потому, что ей был нужен только неандерталец. Но Хелен снова и снова читала строчки с прежним выражением – то есть без него. Мне показалось, что даже извержение вулкана не заставит ее вскрикнуть «о!».

– Голубушка, – наконец не выдержала Дорис, – я хочу задать вам личный вопрос.

– Давайте, – кивнула Хелен.

– Вы когда-нибудь влюблялись? Ну хоть раз в жизни? Я спрашиваю, потому что воспоминания о прежней любви помогли бы вам вжиться в роль.

Хелен глубоко задумалась и нахмурила лоб.

– Видите ли, я постоянно живу в разъездах, – наконец заговорила она. – Почти все мужчины, которых я встречаю по работе, женаты, а неженатых я встретить не успеваю, потому что нигде надолго не задерживаюсь.

– Ну а школа как же? Первая любовь, все эти девчачьи слезы и переживания?..

Хелен снова глубоко задумалась.

– В школе я тоже постоянно переезжала. Отец работал на стройке, и его то и дело направляли на новые объекты. Я не успевала привязаться к людям: только поздоровалась, как уже пора прощаться.

– Гм, – сказала Дорис.

– А знаменитости считаются? – спросила Хелен. – Ну, то есть в жизни-то я ни с кем не знакома, но мне нравятся некоторые актеры.

Дорис взглянула на меня и закатила глаза.

– Ну, в каком-то роде это тоже любовь...

Хелен немного взбодрилась.

– На некоторые фильмы я ходила много-много раз! – сказала она. – А иногда даже воображала, что вышла замуж за какого-нибудь знаменитого актера. Это ведь были единственные люди, которые сопровождали нас всюду, куда бы мы ни поехали.

– Гм-гм, – сказала Дорис.

– Что ж, спасибо вам большое, мисс Шоу, – сказал я. – Спускайтесь на первый этаж к остальным, мы вас вызовем.

Мы стали искать новую Стеллу. И никого не нашли: ни одна мало-мальски свежая девица на пробы не пришла.

– Зато Бланш хоть отбавляй, – сказал я, имея в виду увядших красавиц, которые могли бы сыграть роль увядшей Стеллиной сестры. – Наверно, такова жизнь: двадцать Бланш на одну Стеллу.

– А стоит отыскать такую Стеллу, – добавила Дорис, – как выясняется, что она ничего не знает о любви.

Тогда мы с Дорис придумали хитрость: позвать Гарри Нэша, чтобы разыграл какую-нибудь сцену вместе с Хелен.

– Может, это хоть немножко ее растормошит, – сказал я.

– Было бы что тормошить! – проворчала Дорис.

Мы снова позвали наверх Стеллу и попросили найти Гарри. Он никогда не сидел на пробах вместе с остальными – да и на репетициях тоже. Когда ему не нужно было играть, он тут же прятался в каком-нибудь укромном уголке, подальше от чужих глаз. На пробах Гарри обычно уходил в справочный зал и коротал время, разглядывая флаги разных стран на стеллаже со словарями.

Хелен поднялась к нам, и мы с большим прискорбием увидели, что у нее заплаканное лицо.

– Ах, голубушка! – запричитала Дорис. – Да что же... что с вами стряслось?

– Я ужасно читала, так ведь? – спросила Хелен, повесив голову.

Дорис произнесла ту единственную фразу, которую можно сказать в любительском драмкружке плачущей актрисе:

– Да будет вам, вы прекрасно играли!

– Нет, я ходячий ледник и знаю это, – возразила Хелен.

– Вот еще глупости! Глядя на вас, никто так не скажет.

– Когда узнает получше – скажет. Именно так говорят все, с кем я знакомлюсь. – Хелен расплакалась еще горше. – Но я не нарочно такая! Просто по-другому не получается, когда вся жизнь в разъездах... Только и влюбляюсь, что в кинозвезд! А когда встречаю кого-то в настоящей жизни, меня будто сажают в большую стеклянную бутылку и я даже потрогать никого не могу, как бы ни старалась. – Хелен пощупала руками воздух, словно трогая стенки бутылки. – Вот вы спросили, влюблялась ли я в кого-нибудь. Нет, но очень хочу! Я знаю, о чем эта пьеса, знаю, какие чувства должна испытывать Стелла и почему. Я... я... я...

Новый приступ плача не дал ей договорить.

– Что, голубушка? – осторожно спросила Дорис.

– Я... – Хелен снова пощупала воображаемые стеклянные стенки. – Я просто не знаю, с чего начать!

С лестницы донеслись тяжелые шаги: как будто по ступеням поднимался водолаз в свинцовых башмаках. То был Гарри Нэш, перевоплотившийся в Марлона Брандо. Едва не волоча кулаками по полу, он вломился в аудиторию и, завидев плачущую женщину, ухмыльнулся – до такой степени он вошел в образ.

– Гарри, – сказал я, – познакомься, это Хелен Шоу. Хелен, это Гарри Нэш. Если вы получите роль Стеллы, на сцене он будет вашим мужем.

Гарри даже не протянул руки новой знакомой: вместо этого он сунул оба кулака в карманы, подался назад и с ног до головы окинул Хелен раздевающим взглядом. Та вмиг прекратила плакать.

– Гарри, мне бы хотелось взглянуть, как вы ссоритесь, а потом миритесь, – сказал я.

– Не вопрос, – ответил он, не сводя глаз с Хелен. Эти глаза сжигали одежду быстрее, чем она успевала надеть новую. – Если Стелл в игре, я тоже.

– Простите? – Щеки Хелен стали цвета клюквенного сока.

– Стелл... Ну, Стелла, – это ты. Моя жена.

Я вручил обоим сценарии. Гарри выхватил свой, даже не сказав «спасибо», а Хелен едва сумела протянуть руку – мне пришлось самому сжать ее пальцы, которые отчего-то отказались ее слушаться.

– Мне бы что-нибудь тяжелое, – проговорил Гарри.

– Зачем? – не понял я.

– Ну, по сценарию я должен швырнуть в окно радио, – пояснил Гарри. – А мне что швырнуть?

Я дал ему пресс-папье вместо радио и пошире отворил окно. Хелен Шоу побелела от ужаса.

– С какого места начинать? – спросил Гарри, поводя плечами, как боксер перед боем.

– Давай начнем за несколько реплик до того, как ты выбросишь радио, – предложил я.

– О'кей, о'кей, – ответил Гарри, все разминаясь и разминаясь. Он пробежал глазами по ремаркам. – Так-так... Значит, сперва я вышвырну радио, потом она спрыгнет со сцены, а я ее догоню и вдарю хорошенько.

– Все верно.

– О'кей, детка, – сказал Гарри, исподлобья глядя на Хелен. Похоже, нам с Дорис предстояло увидеть сцену почище знаменитой гонки на колесницах из «Бен Гура». – На старт, внимание... Марш, детка!

Когда эпизод подошел к концу, Хелен Шоу вся взмокла, точно подносчик кирпичей на стройке, и едва стояла на ногах. Она рухнула на стул и свесила голову набок, не в силах даже прикрыть рот. От бутылки не осталось и следа. Стекланные стенки, не дававшие ей раскисать, рухнули. Воображаемая бутылка исчезла.

– Я получил роль или нет?! – рявкнул Гарри.

– Безусловно, – ответил я.

– Вот так бы сразу! – воскликнул он. – Ну, тогда я отчаливаю... До скорого, Стелла, – бросил он Хелен и вышел, бахнув дверью.

– Хелен? Мисс Шоу? – позвал я.

– Мф? – откликнулась она.

– Роль Стеллы – ваша. Вы прирожденная актриса!

– Да вы что? – не поверила она.

– Я и не подозревала, что в вас столько огня, голубушка! – сказала ей Дорис.

– Огня?... – Хелен словно не могла сообразить, стоит она на ногах или сидит на коне.

– Прямо-таки фейерверки! Шутихи! Бенгальские свечи! – продолжала Дорис.

– Мф, – сказала Хелен. И умолкла. Вид у нее был такой, будто она собралась всю жизнь просидеть на стуле с открытым ртом.

– Стелла, – позвал я.

– А?

– Вы можете идти, я разрешаю.

Итак, мы начали репетировать: четыре раза в неделю на сцене актового зала районной школы. Гарри и Хелен задали постановке такой темп, что уже на вторую или третью репетицию мы все едва не спятили от волнения и усталости. Обычно постановщик умоляет актеров учить роли, но мне не пришлось этого делать. Гарри и Хелен так слаженно работали, что все остальные считали своим долгом и честью не отставать от них.

Мне невероятно везло – или по крайней мере я так думал. Актеры так пылали на сцене, что после очередной любовной сцены мне пришлось немного осадить Гарри и Хелен:

– Ребята, поберегите немного пороку для премьеры, ладно? Вы же сгорите дотла!

Я это сказал на четвертой или пятой репетиции, а рядом со мной сидела Лидия Миллер, которая играла Бланш, увядшую полубезумную сестру Стеллы. В настоящей жизни она была женой Верна Миллера, хозяина скобяной лавки и начальника Гарри.

– Лидия, – спросил ее я, – ну что, удалась нам постановка или нет?

– Удалась, еще как, – с укором ответила она, будто я совершил ужасное преступление. – Можете собой гордиться.

– В каком смысле?

Не успела Лидия ответить, как со сцены раздался вопль Гарри: не пора ли по домам? Я кивнул, и Гарри, все еще в образе Марлона Брандо, ушел, раскидывая мебель и хлопая дверями. Хелен по-прежнему сидела на диване с тем же опешившим видом, что и после проб. Ее выжали как лимон.

Я снова повернулся к Лидии.

– Знаете, до сих пор я считал, что у меня есть все поводы для гордости. Я что-то упустил?

– Вы в курсе, что эта девочка влюблена в Гарри? – задала Лидия встречный вопрос.

– По сценарию?

– По какому еще сценарию? Репетиция закончилась, а вы посмотрите на нее! – Она грустно хохотнула. – В этом спектакле заправляете отнюдь не вы.

– А кто же?

– Матушка Природа, и нынче от нее добра не жди. Бедняжка, что с ней будет, когда она увидит истинный характер Гарри? Верней, его полное отсутствие?

Я тоже обеспокоился, но предпринимать ничего не стал, поскольку не хотел лезть в чужие дела. Вскоре Лидия сама попыталась предотвратить катастрофу, но ничего не добилась.

– Знаете, милочка, – сказала она Хелен, – я ведь однажды играла Энн Ратлидж, а Гарри был Авраамом Линкольном.

Хелен захлопала в ладоши:

– Какое это, верно, было блаженство!

– В каком-то смысле да, – кивнула Лидия. – Иногда я настолько входила во вкус, что влюблялась в Гарри всей душой, как Энн в Линкольна. Мне приходилось каждую минуту возвращаться на землю и напоминать себе, что Гарри никогда не отменит рабства, что он всего лишь продавец в скобяной лавке моего мужа.

– О, что вы, он потрясающий! Я еще никогда не встречала таких мужчин!

– Однако в первую очередь вы должны помнить о том, что случится с Гарри после последнего спектакля.

– Простите? – не поняла Хелен.

– Как только занавес опустится, все замечательные качества Гарри исчезнут без следа.

– Не верю, – ответила Хелен.

– Что ж, в это действительно сложно поверить, – признала Лидия.

Тут Хелен немного разозлилась:

– А если и так, мне-то что за дело? Какая мне разница?

– Ну, н-не знаю... Просто я подумала, вам это может быть интересно...

– Ни капельки! – воскликнула Хелен.

Лидия ушла, чувствуя себя такой же никому не нужной старухой, как Бланш в пьесе. После этого разговора никто не осмеливался заговорить с Хелен о Гарри: даже когда поползли слухи, что она решила прекратить разъезды и поселиться в Северном Кроуфорде.

Наконец настала пора показать спектакль городу. Мы давали «Трамвай «Желание»» три вечера подряд – в четверг, пятницу и субботу, – и всякий раз зал рукоплескал. Люди верили каждому слову, произнесенному на сцене, и когда бордовый занавес наконец опустился, готовы были вслед за бедной Бланш отправиться в сумасшедший дом.

В четверг девушки из телефонной компании прислали Хелен букет красных роз. Когда Хелен и Гарри выходили кланяться, я передал ей этот букет, а она вынула из него одну розу и хотела подарить Гарри, но, когда повернулась, его нигде не было: наш Марлон Брандо бес-

следно исчез. На этой маленькой немой сцене – Хелен протягивает розу в никуда – занавес опустился в последний раз.

Я прошел за кулисы: Хелен так и стояла с единственной розой в руке, а букет отложила в сторону. В ее глазах блестели слезы.

– Что я сделала? Чем его обидела?

– Ничем, – ответил я. – Он всегда так делает после выступления. Как только спектакль заканчивается, Гарри быстренько скрывается из виду.

– Завтра он опять исчезнет?

– Даже грим не снимет, вот увидите.

– И в субботу? А как же наша вечеринка в клубе?

– Гарри не ходит на вечеринки, – ответил я. – В субботу занавес опустится, и больше мы его не увидим до понедельника – тогда он придет на работу в скобяную лавку.

– Как грустно...

В пятницу Хелен играла хуже, чем в субботу: казалось, что-то другое занимает ее мысли. После поклонов Гарри ушел, а она молча проводила его взглядом.

Зато в субботу Хелен играла, как никогда. Обычно бал правил Гарри, но в субботу ему пришлось потрудиться, чтобы не отставать от Хелен.

Когда занавес наконец опустился, Гарри хотел уйти – и не смог. Хелен не отпускала его руку. Все актеры, работники сцены и множество доброжелателей из зрительного зала столпились вокруг них, а Гарри все норовил вырваться.

– Э-э... ну, мне пора, – промямлил он.

– Куда? – спросила Хелен.

– Ну... домой.

– Неужели вы не пойдете со мной на вечеринку?

Гарри ужасно покраснел.

– Боюсь, вечеринки не по моей части... – От Марлона Брандо не осталось и следа, он превратился в хорошо знакомого нам Гарри: напуганного и смущенного заика.

– Что ж, ладно, – сказала Хелен. – Обещаю отпустить вас, но только сначала вы мне кое-что пообещаете.

– Что? – спросил Гарри. Мне показалось, что он готов выпрыгнуть в окно, стоит Хелен отпустить его руку.

– Пообещайте, что дождетесь, пока я принесу подарок.

– Подарок? – Генри испугался пуще прежнего.

– Обещаете или нет? – настаивала Хелен.

Он пообещал, и только тогда она отпустила его руку. Стоя с жалким видом за кулисами, пока Хелен бегала в гримерную за подарком, Гарри принял множество поздравлений и комплиментов, но они его не радовали. Ему хотелось поскорей уйти.

Наконец Хелен вернулась. В руке у нее была маленькая голубая книжка с красной лентой вместо закладки – «Ромео и Джульетта» Шекспира. Гарри ужасно смутился. Он кое-как выдал «спасибо» и умолк.

– Закладкой отмечена моя любимая сцена, – пояснила Хелен.

– Угу.

– Неужели вы не хотите узнать какая?

Гарри пришлось открыть книжку на заложенной странице.

Хелен подошла ближе и прочла слова Джульетты:

– *Как ты сюда пробрался? Для чего? Ограда высока и неприступна. Тебе здесь неминуемая смерть, когда тебя найдут мои родные.*

Хелен показала на следующие строчки:

– А вот что отвечает ей Ромео.

– Угу, – выдавил Гарри.

– Прочтите его слова, пожалуйста!

Гарри откашлялся. Ему не хотелось читать слова Ромео, но раз попросили – что поделаешь?

– *Меня перенесла сюда любовь*, – прочел он обычным громким голосом. И вдруг в нем произошла какая-то перемена: – *Ее не останавливают стены*, – прочел Гарри, выпрямившись и разом скинув лет восемь. Перед нами стоял храбрый и веселый юноша. – *В нужде она решается на все! И потому – что мне твои родные?*

– *Они тебя увидят и убьют*, – прошептала Хелен и повела Гарри за кулисы.

– *Твой взгляд опасней двадцати кинжалов*. – Хелен повела его к черному ходу. – *Взгляни с балкона дружелюбней вниз, и это будет мне от них кольчугой*.

– *Не попадись им только на глаза!*⁶

На вечеринку они так и не пришли, а через неделю поженились.

Знаете, это очень счастливая пара, хотя временами они оба немного чуют – в зависимости от пьес, которые читают друг другу.

Недавно мне снова пришлось зайти в контору телефонной компании: машина для выписывания счетов опять начала делать глупые ошибки. Я спросил Хелен, какие пьесы они с Гарри недавно прочли.

– За прошлую неделю, – ответила она, – я побывала замужем за Отелло, меня полюбил Фауст, а затем похитил Парис. Мне кажется, я самая счастливая девушка в городе!

Я ответил, что это действительно так и что большинство местных женщин тоже так думают.

– Ну, они сами упустили свой шанс.

– Они просто не вытерпели накала страстей, – нашелся я. А потом сообщил, что меня опять назначили постановщиком, и предложил им с Гарри поучаствовать в новом спектакле. Хелен широко улыбнулась и спросила:

– А кто мы теперь?

1961

---

⁶ Пер. Б. Пастернака.

Добро пожаловать в обезьянник

7

Однажды майским днем Пит Крокер – шериф округа Барнстейбл, то есть всего Кейп-Кода – вошел в приемную салона Федерального агентства по гуманным самоубийствам в Хайаннис-Порте и сообщил двум высоким девушкам-администраторам за конторкой, что в направлении мыса движется отъявленный сорвиголова Билли Поэт, однако паниковать не нужно, все под контролем.

Сорвиголовами называли людей, которые отказывались трижды в день принимать таблетки для гуманного контроля рождаемости. За это им грозил штраф в размере 10000 долларов и 10 лет тюрьмы.

Дело было в ту пору, когда население земного шара составляло 17 миллиардов человек. Наша маленькая планета не могла выдержать столько млекопитающих разом. Люди в буквальном смысле теснились на Земле, как костяночки.

Костяночки – это такие сочные узелки, из которых состоят ягоды малины или ежевики.

Тогда Мировое правительство совершило двойной удар по перенаселению. Первый его этап заключался в том, что всюду стали активно пропагандировать гуманное самоубийство: каждый мог прийти в ближайший салон соответствующего Федерального агентства и попросить администратора безболезненно его умертвить. Вторым этапом правительство ввело обязательный контроль рождаемости.

Шериф сообщил администраторам – красавицам и умницам, – что все дороги уже перекрыты и полиция обыскивает каждый дом, поэтому Билли Поэта обязательно поймают. Беда только в том, что никто не знает, как он выглядит. Видели его одни женщины, и их показания относительно роста, голоса, веса, цвета кожи и волос преступника отчего-то не сходятся.

– Думаю, нет нужды напоминать, – продолжал шериф, – что любой сорвиголова крайне уязвим ниже пояса. Если Билли Поэт все же проскочит сюда и начнет безобразничать, один крепкий пинок по причинному месту научит его уму-разуму.

Здесь стоит пояснить, что законопослушные граждане, принимавшие таблетки для гуманного контроля рождаемости, ниже пояса ничего не чувствовали.

Мужчинам казалось, что внизу у них чугун или пробковое дерево. Женщинам чудился влажный хлопок или выдохшийся имбирный эль. Таблетки были столь эффективны, что любой принявший их мужчина мог с завязанными глазами прочесть наизусть Геттисбергскую речь Линкольна, пока его от души колошматили по яйцам, и не пропустить ни единого слога.

Введение обязательного контроля рождаемости считалось гуманным, поскольку таблетки не лишали физической возможности продолжения рода – это было бы неестественно и бесчеловечно. Просто люди, которые их принимали, не получали никакого удовольствия от секса.

Так наука и мораль наконец пошли рука об руку.

Девушек-администраторов в Хайаннисе звали Нэнси Маклюэн и Мэри Крафт. Нэнси была рыжеватой блондинкой. Мэри – ослепительной брюнеткой. Обе носили форменную одежду: фиолетовые гимнастические костюмы на голое тело, черные кожаные сапоги, толстый слой туши на ресницах и белая помада. Салон у них был небольшой: всего шесть кабинок. В хорошую неделю, например перед Рождеством, они усыпляли до шестидесяти человек. Делалось это с помощью специальной подкожной инъекции.

– Самое важное: помните, что все под контролем, – подытожил шериф Крокер. – Спокойно работайте и ничего не бойтесь.

– А вы ничего не забыли сказать? Про самое важное? – спросила его Нэнси.

– Простите?

– Вы не сообщили, что Билли Поэт направляется именно сюда, за нами.

Шериф неловко пожал плечами.

– Наверняка мы этого не знаем...

– Да ведь всем давно известно, чем славится Билли Поэт: он дефлорирует администраторов Федерального агентства по гуманным самоубийствам. – Нэнси была девственницей. Как и все администраторы агентства. Кроме того, все они обязательно защищали кандидатскую или докторскую по психологии и уходу за больными, были фигуристыми, румяными и рослыми – не меньше шести футов.

Америка изменилась во многом, но так и не перешла на метрическую систему.

Нэнси Маклюэн очень задело, что шериф пытается скрыть от них страшную правду о Билли Поэте: можно подумать, они испугаются и запаникуют. Она выразила свое недовольство.

– Как по-вашему, пугливая девушка долго продержится в ФАГС? – Она имела в виду Федеральное агентство по гуманным самоубийствам.

Шериф попятился и втянул подбородок.

– Недолго, должно быть.

– Вот именно, – кивнула Нэнси и подошла ближе, дав ему понюхать краешек своей ладони: она выбросила ее вперед, заняв боевую позу каратистки. Все администраторы прекрасно владели дзюдо и карате. – Если хотите узнать, какие мы беззащитные, попробуйте на меня напасть. Представим, что вы Билли Поэт.

Шериф качал головой и елеяно улыбнулся.

– Лучше не стоит.

– Как мудро с вашей стороны, – сказала Нэнси, отворачиваясь. Мэри едва сдерживала смех. – Мы нисколько не боимся. Напротив, мы злы. Впрочем, нет, он не заслуживает даже нашей злости. Нам попросту скучно! Какая тоска – этот негодяй преодолел столько миль, надеялся столько шума, а все ради... – Нэнси не закончила фразу. – Несусветная чушь!

– А я злюсь не на него, а на женщин, которые сдаются ему без всякого сопротивления, – сказала Мэри, – сначала позволяют надругаться над собой, а потом даже не могут сказать полиции, как он выглядит! И ведь это администраторы ФАГС, подумать только!

– Кое-кому надо почаще заниматься карате, – добавила Нэнси.

Не только Билли Поэт имел слабость к администраторам ФАГС, а все сорвиголовы. Они совершенно теряли голову от безумного полового влечения, больше не сдерживаемого таблетками, и все эти обтягивающие трико, сапоги, большие глаза и белые губы значили для них только одно: секс, секс, секс.

В действительности на уме у соблазнительных администраторов никакого секса не было и в помине.

– Если Билли пойдет проторенной дорожкой, то сначала изучит ваши привычки, распорядок дня и окрестности. Затем выберет одну жертву и пришлет ей по почте скабресный стишок.

– Какой романтик, – сказала Нэнси.

– А иногда он звонит по телефону.

– Какой храбрец! – За плечом шерифа Нэнси разглядела почтальона, который шел к салону.

Над дверью одной из кабинок загорелась синяя лампочка: значит, клиенту что-то понадобилось. Все остальные кабинки в салоне были свободны.

Шериф спросил Нэнси, не может ли человек в кабинке быть Билли Поэтом.

– Если это так, я его сломаю как соломинку!

– Да нет, там же Сладкий Дедуля, – сказала Мэри. Сладкими Дедулями называли всех очаровательных старичков, которые часами болтали, шутили и вспоминали былое, прежде чем позволить администраторам ввести инъекцию.

Нэнси застонала.

– Мы уже два часа ломаем голову, чем ему поужинать напоследок!

Вошел почтальон: он принес единственный конверт, адресованный Нэнси и подписанный жирным карандашом. Она была потрясающе красива в своем негодовании, когда распечатывала его: конечно, письмо от Билли Поэта!

Нэнси оказалась права. В конверте лежал листок с четверостишием, но не его сочинения: то была старинная шуточная песенка, которая после всеобщего внедрения гуманного контроля рождаемости приобрела новый оттенок смысла. Тем же жирным карандашом Билли Поэт вывел такие строчки:

Ночью в парке я гуляю,
Бронзовых коней седлаю.
Вместо крупа конского
Твой воображаю.

Когда Нэнси вошла в кабинку, чтобы узнать, зачем ее позвали, Сладкий Дедуля лежал на изумрудно-зеленом шезлонге, на котором за последние пятьдесят лет мирно покинули этот мир сотни других людей. Он изучал меню из соседнего ресторанчика Говарда Джонсона и притоптывал в такт фоновой музыке, льющейся из динамика на лимонно-желтой шлакоблочной стене. В комнате было единственное окно, забранное решеткой снаружи и подъемными жалюзи изнутри.

Рядом с каждым салоном ФАГС обязательно располагался ресторан Говарда Джонсона – и наоборот. У ресторанов была оранжевая крыша, а у салонов – фиолетовая, но и те и другие принадлежали правительству. Практически все на Земле было правительственное.

И практически все делали машины. Нэнси, Мэри и шерифу повезло: у них хотя бы была работа. Большинство людей не могли этим похвастаться. Средний житель днями напролет торчал дома и смотрел телевизор – единственный правительственный канал. Каждые пятнадцать минут телевизор призывал его голосовать с умом, потреблять с умом, молиться в любой церкви на выбор, любить ближнего своего, соблюдать законы – или сходить в ближайший салон ФАГС и лично убедиться, какими радушными и внимательными могут быть администраторы.

Сладкий Дедуля был представителем вымирающего вида: старый, лысый, с дрожащими руками в печеночных пятнах. Большинство современных людей независимо от возраста выглядели на двадцать два – благодаря специальным уколам, замедляющим старение, которые им делали дважды в год. Дряхлость старика была верным признаком того, что уколы изобрели уже после того, как улетела легкая птица его юности.

– Ну что, определились с последним ужином? – спросила Нэнси. Она услышала раздраженную нотку в своем голосе и устыдилась. Да, Билли Поэт вывел ее из себя, а старик ужасно надоел, но она не имела никакого права злиться. Это непрофессионально! – Панированные отбивные из телятины очень хороши.

Старик вскинул голову. Он заметил непрофессиональное раздражение в ее голосе и – из жадного старческого коварства – решил наказать администратора.

– Не очень-то вы любезны, – проворчал он. – Я думал, вам полагается быть любезными. Разве салон ФАГС не должен быть приятным и уютным местечком?

– Прошу прощения, – сказала Нэнси. – Если я вдруг показалась вам нелюбезной, то вы тут совершенно ни при чем.

– Мне показалось, я вам надоел.

– Ну что вы! – весело воскликнула она. – Ни капельки! Вы столько интересного рассказываете! – Помимо прочего Сладкий Дедуля якобы знал Дж. Эдгара Нэйшена, фармацевта из Гранд-Рapidса, который придумал контроль рождаемости.

– Тогда хотя бы сделайте вид, что вам интересно, – буркнул старик. Он мог позволить себе любое хамство и даже уйти, пока не попросил сделать укол. Делать укол, не дождавшись просьбы, было запрещено законом.

Искусство Нэнси и всех прочих администраторов ФАГС заключалось в том, чтобы не дать добровольцам уйти: терпеливо выслушивать, поддакивать и льстить до последнего.

Вот Нэнси и пришлось сидеть в кабинке, с напускным восхищением слушая стариковские рассказы о том, что и так все знали со школы: как Дж. Эдгар Нэйшен ставил эксперименты по контролю рождаемости.

– Он понятия не имел, что однажды эти таблетки будут принимать люди, – сказал Сладкий Дедуля. – Он ведь мечтал привить мораль обезьянам в зоопарке Гранд-Рapidса. Вы это знали? – строго спросил старик.

– Нет-нет! Как интересно!

– Однажды на Пасху он со своими одиннадцатью детьми отправился в церковь. Стоял чудесный день, да и служба удалась на славу, так что сразу после церкви они решили прогуляться по зоопарку. Какие они были счастливые – словами не передать!

– Ага.

Сценка, описанная Сладким Дедулей, была из спектакля, который показывали по телевизору на каждую Пасху.

Сладкий Дедуля, разумеется, не мог не втиснуть себя в эту сцену: прямо перед визитом почтенного семейства в обезьянник он якобы заговорил с Нэйшенами.

– «Доброе утро, мистер Нэйшен!» – сказал я ему. «Утро доброе, – отозвался он. – А ведь и впрямь: какое замечательное утро! Только на Пасху человек чувствует себя таким чистым, переродившимся, воистину созданным по подобию Божьему!»

– Угу. – Сквозь звуконепроницаемую дверь доносился едва уловимый, надоедливый телефонный звонок.

– Все вместе мы подошли к обезьяннику – и что же, как вы думаете, предстало нашим взорам?

– Понятия не имею! – Кто-то снял трубку.

– Одна обезьяна прямо на наших глазах принялась тереть свои половые органы!

– Да вы что!

– Именно так! И Дж. Эдгар Нэйшен так расстроился, что пошел домой и сразу приступил к созданию таблетки, которая бы не дала обезьянам по весне смущать христианских детей.

Раздался стук в дверь.

– Да?

– Нэнси, тебя просят к телефону, – сказала Мэри.

Когда Нэнси вышла из кабинки, шериф радостно повизгивал и буквально давился от полицейского восторга. Телефонную линию прослушивали его агенты, спрятавшиеся в ресторане Говарда Джонсона. Звонил, несомненно, Билли Поэт. Преступника выследили, и полиция уже мчалась на его поимку.

– Заговорите ему зубы, – прошептал шериф и с торжественным видом вручил Нэнси трубку, как будто это был золотой слиток.

– Слушаю, – сказала Нэнси.

– Нэнси Маклюэн? – спросил сильно искаженный мужской голос. – Я звоню вам от нашего общего друга.

– Неужели?

– Он просил вам кое-что передать.

- Ясно.
- Это стихотворение.
- Очень хорошо.
- Готовы?
- Готова. – Нэнси услышала на заднем плане вой полицейских сирен. Звонивший тоже их услышал, но прочел стишок без малейшего намека на волнение:

Обмажься лосьоном от кончиков пальцев до век,
Демографический взрыв устроит один человек.

Они его поймали. Нэнси услышала все от начала до конца: грохот, лязг, гомон и крики. А потом она повесила трубку, и ее охватила депрессия – эндокринные железы брали свое. Ее отважное тело приготовилось сражаться, а драки не случилось.

Шериф выскочил из салона ФАГС в такой спешке, что из кармана его плаща вылетела стопка бумаг.

Мэри подняла их и окликнула шерифа. Он на миг задумался, потом сказал, что в бумагах больше нет нужды, и предложил одной из девушек сходить с ним – посмотреть на Билли. Между девушками вспыхнул спор: Нэнси убеждала Мэри пойти, так как ей самой совершенно не хотелось видеть негодяя. Наконец Мэри ушла, перед этим сунув Нэнси стопку бумаг.

Оказалось, это фотокопии стихотворений, которые Билли рассылал администраторам других салонов. Нэнси прочла самое первое, в котором высмеивался один побочный эффект таблеток для контроля рождаемости: они не только лишали людей чувствительности ниже пояса, но и окрашивали мочу в голубой цвет. Стих назывался «Что рассказал Поэт одной администраторше» и звучал так:

Жил себе – ни жнец, ни швец,
Вот пришел мне и конец.
Я греха, клянусь, не знал,
Синькой травку поливал,
Ел под кровом апельсинным,
Писал только ярко-синим,
А под крышею пурпурной
Попрощаюсь с жизнью бурной.
Дева, скорой смерти вестник!
Жизнь прелестна, ты прелестней.
Жаль, стручок мой в жизни той
Брызгал только бирюзой.

– Вы что же, никогда не слышали историю о том, как Дж. Эдгар Нэйшен изобрел гуманный контроль рождаемости? – осведомился Сладкий Дедуля надтреснутым голосом.

- Никогда, – солгала Нэнси.
- Я думал, это все знают.
- А я впервые слышу.

– Когда мистер Нэйшен навел порядок в обезьяннике, его стало не отличить от Мичиганского Верховного суда. Тем временем в США начинался кризис перенаселения. Люди ученые говорили, что пора прекращать размножаться такими темпами, а люди высокоморальные предрекли скорый конец обществу, в котором занимаются сексом ради удовольствия.

Сладкий Дедуля поднялся с шезлонга, подошел к окну и, раздвинув две планки жалюзи, выглянул на улицу. Смотреть там особо было не на что: весь вид загораживал огромный тер-

мометр высотой в двадцать футов. Делениями обозначалось население Земли в миллиардах: от нуля до двадцати. Вместо красной жидкости у градусника была полоска прозрачного пластика, отмечавшая, сколько человек населяет планету в данный момент. Почти в самом низу на термометре нарисовали черную стрелку – каким должно быть население по мнению ученых.

Сладкий Дедуля посмотрел сквозь красный пластик на закат солнца. Лучи света, проходя через жалюзи, исполосовали его лицо красным и серым.

– А вот скажите, когда я умру, насколько опустится эта полоска? На фут?

– Нет.

– На дюйм?

– Не совсем.

– Вы ведь знаете точный ответ, не так ли? – спросил он, повернувшись к ней лицом. Дряхлость вдруг исчезла из его голоса и взгляда. – Один дюйм равняется 83 333 людям. Вы это знали, верно?

– Н-ну... может, это и правда, – проговорила Нэнси, – но лучше смотреть на нее немного иначе.

Старик не спросил, как именно надо смотреть на правду. Вместо этого он закончил собственную мысль:

– Давайте я открою вам другую правду: я Билли Поэт, а вы – знойная красотка.

Одной рукой он вытащил из-за пояса короткоствольный револьвер, а второй сорвал с себя резиновую маску: лысину и морщинистый лоб. Теперь он выглядел на двадцать два, как и все остальные.

– Полиция потом спросит вас, как я выгляжу, – сказал он Нэнси, злодейски улыбаясь. Поразительно, какая у женщин плохая память на лица! Если вы вдруг тоже не мастер описывать людей, запомните стишок:

Пять футов два дюйма,
Голубые глаза,
Темные длинные кудри.
Статен как клен,
Красив и умен,
От страсти дымится, как угли.

Билли был на десять дюймов ниже Нэнси. Она была тяжелее его фунтов на сорок и сказала, что у него нет шансов, но ошиблась. Билли заранее снял решетку с окна и заставил Нэнси вылезти на улицу, а там – спуститься в лаз, вырытый под огромным термометром.

Билли повел ее по канализационным ходам Хайаннис-Порта. Он хорошо знал дорогу. У него были фонарик и карта. Нэнси шла первой по узкому выступу, и ее собственная тень насмешливо танцевала впереди. Пытаясь сообразить, где они находятся, Нэнси по звукам догадалась, что они под рестораном Говарда Джонсона: сами машины, готовившие и разносившие еду, работали бесшумно, но чтобы людям не было так одиноко за столиками, разработчики записали на пленку специальные звуковые эффекты. Их-то Нэнси и услышала: звон кухонной утвари, смех негров и пуэрториканцев.

А потом она сбилась с пути. Билли почти ничего не говорил, кроме: «Направо», «Налево» и «Не вздумай фокусничать, детка, не то я разнесу тебе башку».

Правда, однажды между ними завязалось что-то вроде светского разговора. Начал и закончил его Билли.

– На кой черт девушке с такими бедрами торговать смертью, а? – спросил он сзади.

Нэнси хватило храбрости остановиться.

– Я могу ответить, – сказала она, нимало не сомневаясь, что от ее ответа Билли съезится как от напалма.

Но он только пихнул ее в спину и в очередной раз пригрозил снести башку.

– Ты даже не хочешь меня слушать, – поддразнила его Нэнси. – Потому что боишься!

– Я никогда не слушаю женщин, пока не кончилось действие лекарства, – презрительно ответил Билли. Он думал продержат ее в заточении как минимум восемь часов – за это время таблетки переставали действовать.

– Глупое правило.

– Женщина не человек, пока на нее действует лекарство.

– Ну, в твоём присутствии женщина точно не чувствует себя человеком. Скорее вещью.

– Скажи спасибо таблеткам, – ответил Билли.

Под Хайаннисом пролегало 80 миль коммуникаций. Население города составляло 400 000 костяночек, 400 000 душ. Вскоре Нэнси потеряла счет времени. Когда Билли наконец объявил, что они прибыли на место, ей показалось, что прошел год.

Она решила проверить, так ли это, сверившись с химическими часами собственного тела – то есть ущипнув себя за бедро. Оно по-прежнему ничего не чувствовало.

Билли велел ей забраться наверх по железным кольцам, торчавшим из влажной каменной кладки. Наверху белел кружок болезненного света: оказалось, лунного, – который сочился сквозь пластиковые многоугольники огромного геодезического купола. Нэнси не пришлось задавать традиционный вопрос жертвы похищения: «Где я?» Такой купол был лишь у одного здания на Кейп-Коде: оно находилось в Хайаннис-Порте и венчало собой старинную резиденцию Кеннеди.

Это был музей той жизни, которой жили люди в давние, свободные от контроля рождаемости времена. Музей не работал. Он открывался только на лето.

Лаз, из которого вышли Нэнси и Билли, был проделан в большом участке цемента, крашенном в зеленый цвет, – на этом самом месте когда-то зеленела лужайка Кеннеди. На зеленом цементе перед древними деревянными домами стояли четырнадцать представителей рода Кеннеди, в разное время бывшие президентами США или мира. Они играли в тач-футбол.

Президентом мира на момент похищения Нэнси, кстати, была бывшая администратор ФАГС Мама Кеннеди. Ее статуя никогда бы не стала частью этой инсталляции. Да, фамилия у нее была Кеннеди, тут уж не поспоришь, но никто не принимал ее всерьез. Люди жаловались, что Маме не хватает стиля, считали ее вульгарной. На стене в ее кабинете висели таблички с такими надписями: «НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО БЫТЬ СУМАСШЕДШИМ, ЧТОБЫ ЗДЕСЬ РАБОТАТЬ, НО ЭТО ПОМОГАЕТ», «ДУМАЙ!» и «КОГДА-НИБУДЬ НАМ ПРИДЕТСЯ НАВЕСТИ ТУТ ПОРЯДОК».

Кабинет президента находился в Тадж-Махале.

До самого прибытия в Музей Кеннеди Нэнси Маклюэн была убеждена, что рано или поздно ей представится случай переломать все косточки в жалком тельце Билли Поэта, а если повезет – застрелить мерзавца из его собственной пушки. Нэнси очень хотелось это сделать. Билли внушал ей такое же отвращение, как насосавшийся крови клещ.

Однако с этим планом пришлось повременить, и вовсе не потому, что она вдруг прониклась к Билли теплыми чувствами. Оказалось, что у него есть сообщники, целая банда: вокруг лаза стояло по меньшей мере восемь человек, мужчин и женщин поровну, головы и лица которых скрывали черные чулки. Женщины схватили Нэнси и велели ей не шуметь. Все они были высокие, подтянутые и держали ее за весьма чувствительные места – чтобы при необходимости причинить чудовищную боль.

Нэнси закрыла глаза, но это не спасло ее от ужасного осознания: эти испорченные женщины были ее сестрами по ФАГС. Она так расстроилась, что не выдержала и прошипела:

– Как же вы посмели нарушить клятву?

Ей тут же сделали так больно, что она согнулась пополам и зарыдала.

Выпрямившись, Нэнси решила помалкивать, хотя ей было что сказать. Какие блага и соблазны могли заставить администраторов ФАГС попрасть все моральные устои современного общества? Одной безголовостью этого не объяснишь. Должно быть, их накачали наркотиками.

Нэнси прокрутила в уме все ужасные препараты, о которых ей рассказывали в университете. Вероятно, эти женщины приняли самый страшный из них. Действие препарата было настолько мощным, что даже человек, ничего не чувствующий ниже пояса, готов был с радостью вступать в многочисленные половые акты, выпив всего один стакан. Да-да, наверняка причина крылась в этом: сообщницы Билли (и, вероятно, сообщники) пили джин.

Они завели Нэнси в деревянный дом, где стояла такая же темнота, как и везде, и сообщили Билли новости. Именно тогда в Нэнси проснулась надежда: похоже, скоро придет подмога!

Полицию им удалось одурачить: nepotребный стишок по телефону читал вовсе не Билли Поэт, а один из членов банды. Это, конечно, плохо. Полиция пока не знала, что Нэнси похищена: преступники отправили Мэри Крафт телеграмму от ее имени, в которой сообщили, что Нэнси вызвали в Нью-Йорк по срочному семейному делу.

И вот тут-то в ней проснулась надежда: Мэри не поверит телеграмме. Мэри знает, что у Нэнси нет семьи в Нью-Йорке. Ни один из 63 000 000 жителей не приходился ей родственником.

Банде удалось снять сигнализацию со всего музейного комплекса. И еще они разрезали канаты и цепи, защищавшие ценные старинные вещи от рук посетителей. Нэнси сразу поняла, кто это сделал: у одного из мужчин был огромный секатор.

Нэнси провели в спальню для прислуги и уложили на узкую койку (человек с секатором предварительно разрезал ограждающий канат). Двое мужчин схватили ее за руки, а женщина вколола снотворное.

Билли Поэт куда-то исчез.

Пока Нэнси засыпала, женщина, сделавшая укол, спросила, сколько ей лет.

– Шестьдесят три, – прошептала она.

– И каково это – быть девственницей в шестьдесят три?

Собственный ответ донесся до Нэнси как сквозь бархатный туман и очень ее удивил, она попросту не могла такого сказать:

– Чувствуешь себя никчемной.

В следующий миг, едва выговаривая слова, она спросила женщину:

– Что вы мне вкололи?

– Что я тебе вколола, лапушка? Ах ты, моя лапушка, это называют «сывороткой правды».

Когда Нэнси проснулась, луна уже ушла с неба, однако утро еще не наступило. На окнах висели тяжелые шторы, в комнате горела свеча. Нэнси прежде никогда не видела горячей свечи.

Ее разбудил сон о комарах и пчелах. Комары и пчелы давно вымерли. Птицы тоже. Но Нэнси приснилось, что миллионы насекомых роятся вокруг ее бедер и ног. Они не кусались. Они ее обдували. Нэнси стала сорвиголовой.

Она снова провалилась в сон, а когда очнулась, ее вели в ванную комнату три женщины – по-прежнему в чулках на голове. В ванной уже клубился пар: кто-то мылся до нее. На полу виднелись влажные следы босых ног, и в воздухе стоял запах хвойного одеколona.

После того как Нэнси выкупали, надушили и одели в белую ночную сорочку, воля и разум наконец вернулись к ней. Женщины немного отступили, чтобы полюбоваться делом своих рук, и тогда Нэнси тихо сказала:

– Пусть я теперь тоже из сорвиголов, но это не значит, что думать и действовать я должна, как они.

Никто не стал с ней спорить.

Нэнси спустили на первый этаж и вывели из дома. Она уже подумала, что снова придется лезть в люк, – а что, ничего удивительного: если Билли решил изнасиловать ее в канализации, обстановка вполне подходящая.

Но нет, ее провели по зеленому цементу, затем по желтому – на месте пляжа – и, наконец, вывели на синий, где раньше находилась пристань. Здесь стояло двадцать шесть яхт, некогда принадлежавших разным Кеннеди, – по ватерлинию в синем цементе. Нэнси повели в самую древнюю из этих яхт, «Марлин», хозяином которой был Джозеф П. Кеннеди.

Наступил рассвет. Из-за высоких многоквартирных домов вокруг Музея Кеннеди солнце проникло бы в этот микрокосм под геодезическим куполом лишь через час, не раньше.

Нэнси подвели к пяти ступенькам, ведущим в носовую каюту, и жестами велели спуститься туда одной.

Она на мгновение замерла, женщины тоже. На мостике яхты помещалось две статуи: за штурвалом стоял Фрэнк Виртанен, капитан «Марлин», а рядом – его сын и старпом Карли. Они не обращали никакого внимания на бедную Нэнси. Они смотрели сквозь стекло на голубой цемент.

Нэнси, босая и в тонкой ночной сорочке, храбро спустилась в носовую каюту, которая была залита светом свечей и запахом хвои. Люк над ее головой тут же закрылся.

Переживания Нэнси и старинная обстановка яхты были такими замысловатыми, что она не сразу различила Билли Поэта среди красного дерева и стекла в свинцовом переплете. Наконец она увидела его: он стоял в дальнем конце каюты, спиной к двери, ведущей на передний кокпит. На Билли была фиолетовая шелковая пижама с воротником-стойкой, красным кантом и золотым драконом на груди. Дракон изрыгал пламя.

Совершенно не увязываясь с антуражем, на носу у Билли сидели очки. Сам он держал в руках книгу.

Нэнси встала в боевую стойку на второй ступеньке снизу, крепко ухватилась за поручни и оскалила зубы. По ее подсчетам, только десять мужчин размером с Билли могли уложить ее на лопатки.

Между ними стоял огромный стол. Нэнси ждала, что в каюте главным предметом мебели окажется постель – в форме лебедя, возможно, – однако «Марлин» была прогулочной яхтой. Каюта не тянула на сераль. Она наводила на непотребные мысли не больше, чем среднестатистическая столовая в Акроне, штат Огайо, году эдак в 1910-м.

На столе горела свеча. Там же стояли ведро для льда, два стакана и бутылка шампанского. Шампанское было запрещено законом, как и героин.

Билли снял очки, смущенно улыбнулся и сказал:

– Добро пожаловать!

– Я ни на дюйм не сдвинусь с этой ступеньки.

Он не стал возражать.

– Ничего, ты и там очень красивая.

– И что мне полагается говорить? Что ты дьявольски обворожителен и я испытываю непреодолимое желание утонуть в твоих мужественных объятиях?

– Ну, если бы ты захотела меня осчастливить, это был бы прекрасный способ, – скромно ответил Билли.

– А о моем счастье ты подумал?

Вопрос как будто озадачил его.

– Нэнси... ведь ради него все это и задумано.

– А если твои представления о счастье не совпадают с моими?

– И каковы же, по-твоему, мои представления о счастье?

– Я не подумаю кидаться в твои объятия и пить этот яд не подумаю! По собственной воле я не сдвинусь с этого места! – убежденно воскликнула Нэнси. – Так что твои представления о счастье, по-видимому, сводятся к тому, чтобы кликнуть сюда восемь человек, велеть им расплатать меня на столе, храбро приставить дуло к моему виску и сделать свое дело! Иначе тебе это не удастся, так что вперед, зови свою шайку, и покончим с этим!

Так он и поступил.

Билли не причинил ей боли. Он лишил ее девственности с таким хирургическим мастерством, что Нэнси пришла в ужас. А когда все закончилось, он отнюдь не выглядел надменным или гордым. Наоборот, Билли охватило страшное уныние, и он сказал Нэнси:

– Поверь, если бы был другой способ...

Она ответила на это ледяным взглядом – и безмолвными слезами унижения.

Его сообщники откинули койку, крепившуюся к стене, – она оказалась шириной чуть не с книжную полку и держалась на цепях. Нэнси позволила уложить себя на койку, и их с Билли вновь оставили наедине. Крупная и высокая, она чувствовала себя как контрабас на книжной полке – жалкой и глупой вещью. Ее укрыли колючим армейским одеялом. Она взяла один уголок и прикрыла им лицо.

По звукам Нэнси догадывалась, что делает Билли, – впрочем, он почти ничего не делал. Сидел за столом, иногда шмыгая носом, и листал книгу. Потом он закурил сигару, и под одеяло проник вонючий дым. Билли затянулся, и его тут же разбил приступ кашля.

Наконец кашель затих, и Нэнси презрительно сказала сквозь одеяло:

– О, ты такой сильный, такой властный, такой могучий! Наверное, хорошо быть таким здоровым и мужественным!

Билли только вздохнул.

– Я не такая, как вы, – сказала Нэнси. – Мне ни капельки не понравилось, это было ужасно, хуже некуда!

Билли шмыгнул и перевернул страницу.

– Наверно, все остальные женщины были в восторге, никак не могли насытиться?

– Не-а.

Она сняла с лица одеяло.

– Что значит «не-а»?

– Они все вели себя точно как ты.

От удивления Нэнси села и уставилась на Билли.

– И женщины, которые тебе сегодня помогали?..

– Да?

– Ты с ними так же обошелся?

Он ответил, даже не подняв головы:

– Ну да.

– Тогда почему они не убили тебя, а, наоборот, встали на твою сторону?

– Потому что все поняли, – ответил Билли. И мягко добавил: – Они мне благодарны.

Нэнси встала с койки, подошла к столу, оперлась на его край и наклонилась к Билли.

– Я тебе не благодарна! – прошипела она.

– Скоро будешь.

– Кто или что, позволь узнать, сотворит со мной это чудо?

– Время, – ответил Билли.

Он закрыл книгу и встал. Нэнси подивилась его мощному магнетизму: он вдруг снова стал хозяином положения.

– Нэнси... Через то, что ты пережила сегодня, раньше проходила каждая невеста – даже в семьях с самыми пуританскими нравами. Жених, правда, обходился без помощников, поскольку невеста обычно не хотела его изничтожить, но общий дух события почти ничем не отличался. Эту пижаму надел мой прапрадедущка в свою первую брачную ночь на водопаде Ниагара. Если верить его дневнику, невеста рыдала всю ночь, и ее дважды вырвало. Но со временем она стала большой любительницей плотских утех.

Пришел черед Нэнси отвечать гробовым молчанием. Она поняла, что он хочет сказать, и пришла в ужас при мысли, что сексуальное влечение может расти и расти, как бы отвратителен ни был первый опыт.

– Если ты отважишься подумать об этом, то поймешь: ты злишься, потому что я плохой любовник и на вид больше похож на смешную креветку. Теперь все твои мысли будут о достойном партнере, таком же красивом и статном, как ты. И ты найдешь его, поверь: высокого, сильного и нежного. Движение сорвиголов растет не по дням, а по часам.

– Но... – хотела возразить Нэнси и умолкла. Сквозь иллюминатор она увидела восходящее солнце.

– Что «но»?

– Мир погряз в этом хаосе именно из-за сорвиголов. Ты что, не понимаешь? Люди больше не могут позволить себе секс!

– Что ты, секс всегда можно себе позволить. Вот размножение надо прекращать, это да.

– Зачем тогда придумали законы?

– Это неправильные законы, – сказал Билли. – Если вспомнить историю, то люди, которые больше всего хотели властвовать, создавать законы, насаждать их и рассказывать остальным, как на самом деле всемогущий Господь устроил жизнь на Земле, – эти люди спускали себе и своим друзьям любые преступления. Но естественное влечение простых мужчин и женщин друг к другу отчего-то всегда внушало им ужас.

Почему это так, мне непонятно до сих пор. Хорошо бы кто-нибудь задал этот вопрос – в числе многих других – машинам. Но вот что я знаю наверняка: сегодня ужас и отвращение почти победили. Практически все женщины и мужчины на планете чувствуют себя ничемными уродинами. Единственную красоту мужчина видит в лице убивающей его женщины. Секс – это смерть. Вот оно, короткое и поистине страшное уравнение: секс равно смерть, что и требовалось доказать.

– Теперь ты понимаешь, Нэнси, – продолжал Билли, – что я провел эту ночь и много ей подобных в попытке вернуть хотя бы малую толику чистого удовольствия нашему миру, в котором почти не осталось удовольствий.

Нэнси сидела молча, склонив голову.

– Давай я расскажу тебе, что сделал мой дедушка на рассвете после брачной ночи, – сказал Билли.

– Я не хочу слушать.

– Но в этом нет ничего плохого или грязного. Это... очень нежно.

– Может, потому я и не хочу слушать.

– Он прочел своей жене стихотворение. – Билли взял со стола книгу, раскрыл на нужной странице. – В его дневнике написано, какое именно. Хоть мы с тобой не жених и невеста, да и вряд ли еще когда-нибудь увидимся, я хочу прочесть тебе эти строки, чтобы ты поняла, как я тебя любил.

– Прошу... не надо. Я не выдержу.

– Хорошо, я оставлю книгу здесь – на случай если ты все-таки захочешь его прочесть.
Стих начинается так:

Как я тебя люблю? Люблю без меры,
До глубины души, до всех ее высот,
До запредельных чувственных красот,
До недр бытия, до идеальной сферы⁸.

Билли поставил на книгу маленький пузырек.

– Еще оставляю тебе эти таблетки. Если принимать по одной в месяц, детей у тебя не будет, но ты по-прежнему останешься сорвиголовой.

С этими словами он ушел. Все ушли, кроме Нэнси.

Она подняла голову и увидела на пузырьке этикетку с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОБЕЗЬЯННИК».

1968

---

⁸ Сонет № 43 из цикла «Португальские сонеты» Элизабет Баррет-Браунинг. Пер. В. Савина.

Долгая прогулка в вечность

9

Они росли по соседству, на окраине города, а рядом расстились поля, леса и сады. Из окон их домов виднелась красивая колокольня, принадлежавшая школе для слепых.

Недавно им обоим исполнилось по двадцать. Они не виделись около года. Им всегда было радостно, тепло и уютно в компании друг друга, но ни о какой любви и речи не шло.

Его звали Ньют. Ее – Кэтрин. Как-то ранним утром Ньют постучался в дверь ее дома.

Открыла сама Кэтрин. В руках она держала толстый глянцевый журнал, целиком посвященный невестам.

– Ньют! – изумленно воскликнула она.

– Прогуляемся? – с ходу предложил он.

Вообще-то Ньют был очень застенчивый, даже с Кэтрин. Свою застенчивость он скрывал за отсутствующим тоном, как будто мысли его витали где-то высоко-высоко: у собеседников складывалось впечатление, что они разговаривают с тайным агентом, находящимся при исполнении некоего важного и благородного задания. Ньют всегда так разговаривал, даже если живо интересовался предметом беседы.

– Прогуляемся? – переспросила Кэтрин.

– Ну да. Шаг один, шаг второй, по лесам и долам, по мостам...

– Я не знала, что ты вернулся.

– Да вот сию минуту прибыл.

– Служба еще не кончилась? – спросила Кэтрин.

– Семь месяцев осталось, – ответил Ньют. Он служил рядовым первого класса в артиллерии. Мятая форма, пропыленные насквозь сапоги, щеки заросли щетиной. Он потянулся к журналу: – Какой красивый журналчик, дай посмотрю.

Кэтрин дала.

– Я выхожу замуж, Ньют, – сказала она.

– Я понял. Пойдем гулять.

– У меня страшно много дел, Ньют. Свадьба уже через неделю.

– Прогулки – это полезно. Придешь веселая и румяная. Будет у твоего жениха румяная невеста. – Он принялся листать журнал, показывая на фотографии невест: – Как эта... и вот эта... и эта.

При мысли о румяных невестах Кэтрин залилась краской.

– Это будет мой свадебный подарок Генри Стюарту Чейзенсу, – продолжал Ньют. – Сходив с тобой погулять, я подарю ему румяную невесту.

– Откуда ты знаешь, как его зовут?

– Мама написала. Из Питсбурга, значит, приехал?

– Да. Он бы тебе понравился.

– Может быть.

– Ты... ты придешь на свадьбу, Ньют?

– Вряд ли.

– Такая короткая побывка?

– Побывка? – переспросил Ньют, любясь разворотом с рекламой столового серебра. – Я не на побывке.

– Как? – удивилась Кэтрин.

– Это называется «самоволка», – пояснил Ньют.

– Ой, Ньют, что ты такое говоришь? Я тебе не верю! – воскликнула Кэтрин.
– Я сбежал из армии, – сказал он, все еще листая журнал.
– Зачем, Ньют?
– Хотел узнать, как называется узор на вашем столовом серебре. – Он стал читать названия узоров из журнала: – «Альбемарль»? «Хизер»? «Легенда»? «Рэмблер-роуз»? – Он поднял глаза и улыбнулся. – Хочу подарить вам с мужем ложечку.
– Ньют, Ньют, я серьезно!
– Давай погуляем, очень тебя прошу.
Она заломила руки в шуточном гневе.
– Ах, Ньют, да ты просто дурачишься, ни в какой ты не в самоволке!
Ньют тихо изобразил вой полицейских сирен и поднял брови.
– Откуда... откуда ты сбежал?
– Из Форт-Брэгга.
– Это в Северной Каролине? – спросила она.
– Верно, – ответил он. – Рядом с Фейетвиллом – это где маленькая Скарлет О’Хара ходила в школу.
– Как же ты сюда добрался, Ньют?
Он помахал рукой с оттопыренным большим пальцем.
– Два дня на попутках.
– А твоя мама в курсе?
– Я не к ней приехал.
– К кому же тогда?
– К тебе.
– Зачем?
– Затем, что люблю тебя, – просто ответил он. – Ну теперь-то мы можем прогуляться? Шаг один, шаг второй, по лесам и долам, по мостам...

Они вышли из дому и побрели по лесу: дорожка была усыпана коричневыми листьями. Кэтрин очень злилась и волновалась, чуть не плакала.
– Ньют, – сказала она, – это безумие какое-то!
– Почему же?
– Ты так не вовремя признался мне в любви! Ведь ты раньше никогда ничего подобного не говорил! – Она остановилась.
– Пойдем дальше.
– Нет! Ни шагу больше не сделаю! Напрасно я вообще с тобой пошла!
– Но пошла же.
– Чтобы увести тебя подальше от дома! Если бы кто-нибудь из родных подошел и услышал, что ты несешь, да еще за неделю до свадьбы...
– Что бы они подумали?
– Что ты спятил!
– Почему?
Кэтрин глубоко вздохнула и начала речь:
– Скажу так: я глубоко польщена и почтена твоей безумной выходкой. Мне не верится, что ты действительно сбежал из армии, но, может, это и правда. Мне не верится, что ты меня любишь, но, может, это и правда. И все-таки...
– Это правда.
– Что ж, я польщена, – сказала Кэтрин, – и я очень люблю тебя как друга, Ньют, очень, но теперь слишком поздно! – Она попятилась. – Ты даже ни разу меня не целовал! – Она

тут же выставила вперед руки. – Это не значит, что надо целовать сейчас. Я просто объясняю, как это все неожиданно. Понятия не имею, что мне теперь делать!

– Просто давай еще немного погуляем. Хорошо проведем время.

Они пошли дальше.

– На что же ты надеялся? Чего ждал? – спросила Кэтрин.

– Откуда мне было знать, на что надеяться? Я ничего подобного в жизни не делал.

– Ты ведь не думал, что я брошусь в твои объятия? – предположила Кэтрин.

– Может, и думал.

– Прости, что не оправдала ожиданий.

– Я несколько не расстроен, – сказал Ньют. – Я не рассчитывал на это. Мне хорошо даже просто гулять с тобой.

Кэтрин снова остановилась.

– Ты ведь знаешь, что будет дальше?

– Не-а, – ответил Ньют.

– Мы пожмем друг другу руки, попрощаемся и расстанемся друзьями, – сказала Кэтрин. – Вот что будет дальше.

Ньют кивнул:

– Хорошо. Вспоминай обо мне иногда. Вспоминай, как я тебя любил.

Сама того не желая, Кэтрин расплакалась. Она повернулась спиной к Н్యуту и вгляделась в бесконечную колоннаду леса.

– Что это значит?

– Это значит, что я очень злюсь! – воскликнула Кэтрин и стиснула кулаки. – Ты не имел права...

– Я должен был убедиться.

– Если б я тебя любила, ты бы сразу об этом узнал!

– Правда?

– Ну да. – Кэтрин повернулась к нему. Щеки у нее изрядно покраснели. – Ты бы узнал.

– Как?

– Ты бы увидел... Женщины не умеют скрывать чувства.

Ньют пригляделся к Кэтрин. Она с ужасом осознала, что сказала истинную правду: женщины не умеют скрывать любовь.

Ее-то Ньют и увидел.

А увидев, сделал то единственное, что мог и должен был: поцеловал Кэтрин.

– Это черт знает что такое! – воскликнула она, когда он выпустил ее из объятий.

– Правда?

– Напрасно ты это сделал!

– Тебе не понравилось?

– А ты чего ждал... дикой, безудержной страсти?

– Повторяю: я никогда не знал и по-прежнему не знаю, что будет дальше.

– Мы прощаемся, и все.

Он немного нахмурился.

– Хорошо.

Кэтрин произнесла еще одну речь:

– Я не жалею, что мы поцеловались. Это было очень приятно и мило. Нам давно стоило это сделать, ведь мы были так близки. Я всегда буду помнить тебя, Ньют. Желаю тебе удачи и счастья.

– И тебе того же.

– Спасибо.

– Тридцать дней, – сказал Ньют.
– Что?
– Тридцать дней мне придется провести в военной тюрьме за этот поцелуй.
– Это... это ужасно, но я не просила тебя уходить в самоволку!
– Знаю.
– За такие глупые выходки звание Героев точно не присуждают.
– Наверно, здорово быть героем. Генри Стюарт Чейзенс – герой?
– Мог бы им стать, если бы такой шанс представился. – Кэтрин с тревогой заметила, что они двинулись дальше. Ньют, похоже, благополучно забыл о прощании.
– Ты вправду его любишь?
– Конечно! – с жаром ответила она. – Иначе бы я не стала за него выходить!
– И что в нем хорошего?
– Да сколько можно! – вскричала Кэтрин, снова остановившись. – Ты вообще представляешь, как мне обидно это слышать? В Генри много, много, очень много хорошего! И наверняка также много-много плохого. Но это совершенно тебя не касается. Я люблю Генри и не подумаю вас сравнивать!
– Прости.
– Я серьезно!
Ньют снова ее поцеловал. Он поцеловал ее, потому что она сама этого хотела.

Они вошли в большой сад.
– Когда мы успели забраться так далеко от дома, Ньют? – спросила Кэтрин.
– Шаг один, шаг второй, по полям и лесам, по мостам... – проговорил Ньют.
– Так незаметно они складываются... шаги.
На колокольне школы для слепых зазвонили колокола.
– Школа для слепых, – сказал Ньют.
– Школа для слепых. – Кэтрин сонно тряхнула головой. – Мне пора домой.
– Тогда давай прощаться.
– Когда я пытаюсь, ты всякий раз меня целуешь, – заметила она.
Ньют сел на невысокую стриженую травку под яблоней.
– Присядь, – сказал он.
– Нет.
– Я тебя пальцем не трону.
– А я тебе не верю.
Она села под другое дерево, в двадцати футах от Ньюта. Села и закрыла глаза.
– Пусть тебе приснится Генри Стюарт Чейзенс.
– Что?
– Пусть тебе приснится твой замечательный будущий муж.
– Хорошо, – кивнула Кэтрин и еще крепче зажмурилась, чтобы скорей представить себе жениха.
Ньют зевнул.
В ветвях деревьев жужжали пчелы, и Кэтрин едва не задремала. Когда она открыла глаза, Ньют спал.
И тихо похрапывал.
Кэтрин дала ему поспать около часа – и на протяжении этого часа всем сердцем его обожала.
Тени яблоневых деревьев потянулись к востоку. Со стороны школы для слепых вновь раздался колокольный звон.
– Чик-чирик, – прощбетала синица.

Где-то вдалеке взревел и заглох мотор. Потом снова взревел и снова заглох.

Кэтрин встала и присела на колени рядом с Ньютом.

– Ньют, – окликнула она.

– А? – Он открыл глаза.

– Поздно уже.

– Привет, Кэтрин, – сказал он.

– Привет, Ньют, – отозвалась она.

– Я тебя люблю.

– Знаю.

– Слишком поздно?

– Слишком поздно.

Ньют встал и со стоном потянулся.

– Отлично прогулялись, – сказал он.

– Согласна.

– Ну что, расходимся?

– Куда ты пойдешь? – спросила она.

– Да в город, куда еще. Сдамся.

– Удачи.

– И тебе, – кивнул он. – Выходи за меня, Кэтрин?

– Нет, – ответила она.

Он улыбнулся, пристально на нее посмотрел и быстро зашагал прочь.

Кэтрин провожала взглядом его силуэт, исчезающий в длинной перспективе деревьев и теней, и думала: если он сейчас остановился, если обернется, если позовет ее, она обязательно к нему побежит. По-другому просто нельзя.

Ньют остановился. И обернулся. И позвал ее.

– Кэтрин!

Она подбежала, она обвила его руками. Она не могла говорить.

1960

Портфель Фостера

10

Чем я занимаюсь? Даю добрые советы богатым людям – за деньги, разумеется. Я консультант по вопросам инвестиций. Заработать на хлеб этим ремеслом можно, но не то чтоб очень много – особенно начинающему. Чтобы соответствовать занимаемой должности, мне пришлось купить себе фетровую шляпу, темно-синий плащ, серый деловой костюм с двубортным пиджаком, черные туфли, галстук в диагональную полоску, полдюжины белых рубашек, полдюжины черных носков и серые перчатки.

На дом к клиенту я всегда приезжаю на такси: безукоризненно одетый и выбритый, уверенный и всемогущий. Я держу себя так, словно втихомолку сколотил целое состояние на фондовой бирже, а теперь работаю исключительно на общественных началах, во имя высоких и благородных целей. Когда я вхожу в дом – в чистошерстяном костюме, с хрустящими папочками, в которых покоятся белоснежные сертификаты и анализы рынка, – то впечатление произвожу такое же, как священник или врач: я здесь главный, и все будет хорошо.

Обычно я имею дело со старушками – кроткими и беспомощными, которые благодаря железному здоровью унаследовали немалые богатства. Я листаю их ценные бумаги и рассказываю о наилучших способах распорядиться портфелем – он же «золотая жила», он же «сундук». Я умею не моргнув глазом рассуждать о десятках тысячах долларов и беззвучно разглядывать список бумаг общей стоимостью в сто тысяч, изредка протягивая задумчивое: «Мммм-хммм, так-так».

Поскольку собственного портфеля у меня нет, со стороны может показаться, будто я похож на голодного разносчика из кондитерской лавки. Но я не чувствовал себя таким разносчиком, покуда некий Герберт Фостер не попросил меня заняться его финансами.

Однажды вечером мне позвонили: мужчина представился Гербертом Фостером, сказал, что звонит по рекомендации знакомого, и попросил приехать. Я помылся, побрился, натер туфли, надел деловой костюм и торжественно прибыл к означенному дому на такси. Люди моего ремесла – впрочем, как и многие люди вообще – имеют неприятную привычку судить о благосостоянии человека по его дому, машине и костюму. По моим прикидкам, Герберт Фостер получал шесть тысяч в год, не больше. Поймите, я ничего не имею против людей несостоятельных – кроме того что денег на них не заработаешь. Я мысленно посетовал, что зря трачу время: очевидно, что акций у Фостера на несколько сот долларов, не больше. В лучшем случае на тысячу – но и тогда я не получу с него больше доллара-двух.

Тем не менее я уже прибыл на место: передо мной стоял хлипкий послевоенный домик с надстроенным чердаком. Фостеры наверняка воспользовались предложением местного мебельного магазина и купили комплект мебели для трех комнат за 199,99 доллара (включая пепельницу, ящик для сигар и картины). Черт, ну и влип я! Но раз уж приехал, почему бы не взглянуть на жалкие бумажонки этого Герберта...

– Какой у вас милый домик, мистер Фостер, – сказал я. – А эта красавица – ваша супруга?

Тощая и сварливая на вид дама одарила меня равнодушной улыбкой. На ней был выцветший халат с изображением лисьей охоты. Расцветка халата так вопиюще не сочеталась с обивкой кресла, что на фоне этого пестрого безобразия я с трудом различил черты ее лица.

– Рад знакомству, миссис Фостер, – сказал я.

Вокруг нее лежали ворохи дырявых носков и белья на починку. Герберт сказал, что ее зовут Альма, и, судя по всему, так оно и было.

– А вот и молодой наследник! – воскликнул я. – Умница и красавчик. Наверняка души не чает в папе, а?

Двухлетнее чадо вытерло липкие руки о мои штаны, хлюпнуло носом и потопало к пианино. Там оно уселось напротив верхнего регистра и стало барабанить по самой высокой ноте – минуто, две, три...

– Музыкальный ребенок... весь в отца! – сказала Альма.

– Вы тоже играете, мистер Фостер?

– Классику, – ответил Герберт.

Тут я смог хорошенько его рассмотреть. Он был легкого телосложения, с круглым веснушчатым лицом и крупными зубами – такие часто бывают у позеров и умников. Мне не верилось, что он мог по собственной воле жениться на такой дурнушке, да и впечатления любящего семьянина он не производил. Мне даже померещилось тихое отчаяние в его взгляде.

– Тебе разве не пора на собрание, дорогая? – спросил Герберт жену.

– Нет, его отменили в последний момент.

– Я пришел насчет вашего портфеля... – начал я.

Герберт изумленно на меня посмотрел.

– Простите?

– Ну, портфель... ценных бумаг.

– Ах да. Об этом лучше поговорим в спальне. Там тише.

Альма отложила штопку.

– Что еще за ценные бумаги?

– Государственные облигации, дорогая.

– Надеюсь, ты не надумал их обналичить?

– Нет, Альма, просто хочу уяснить некоторые моменты.

– Понимаю, – осторожно проговорил я. – Э-э... а о какой сумме идет речь – приблизительно?

– Триста пятьдесят долларов! – гордо ответила Альма.

– Что ж, в таком случае я не вижу необходимости обсуждать это в спальне. Мой вам совет – и я даю его бесплатно – сидеть на яйцах, покуда цыплята не вылупятся. Можно телефон? Я хочу вызвать такси...

– Прошу вас, – сказал Герберт, вставая на порог спальни, – мне нужно задать вам несколько вопросов.

– О чем? – спросила Альма.

– Да так... о долгосрочном планировании, – туманно ответил Герберт.

– Нам бы и краткосрочное не помешало: посчитай лучше, сколько денег мы потратим на продукты в следующем месяце!

– Прошу вас, – вновь обратился ко мне Герберт.

Я пожал плечами и прошел за ним в спальню. Он закрыл за нами дверь. Я присел на край кровати и стал смотреть, как он открывает небольшую дверцу в стене, за которой обнаружились голые трубы. Он просунул руку меж труб, крикнул и вытащил конверт.

– Ого, – равнодушно произнес я, – так вот вы где храните ценные бумаги? Очень умно. Можете не утруждаться, мистер Фостер, я имею представление о том, как выглядят государственные облигации.

– Альма! – позвал он.

– Что, Герберт?

– Ты не сварь нам кофе?

– Я вечером кофе не пью, – вставил я.

– У нас еще с ужина остался! – крикнула в ответ Альма.

– Если я хоть глоток сделаю – потом всю ночь буду ворочаться.

– Свежий, пожалуйста! Мы хотим свежий! – крикнул Герберт.

Скрипнуло кресло, и шаги Альмы постепенно стихли в коридоре.

– Вот, – сказал Герберт, положив конверт мне на колени. – Я в этом деле ни черта не смыслю, потому и решил обратиться за помощью к профессионалу.

«Ладно, все же придется дать этому бедолаге профессиональный совет», – подумал я.

– Это самый консервативный способ распорядиться денежными средствами. Государственные облигации растут медленнее других бумаг, зато надежность высокая – надежней не бывает. Словом, не обналичивайте их, держите до последнего. – Я встал. – А теперь позвольте я вызову такси...

– Вы на них даже не взглянули.

Я вздохнул и развязал красную веревочку, которой был перевязан конверт. Что ж, придется поввосхищаться богатством этого несчастного... Облигации и список каких-то акций выскользнули мне на колени. Я быстро пролистал первые и медленно изучил последний.

– Ну?

Я аккуратно положил список на выцветшее покрывало. Собрался с мыслями.

– Мммм-гхммм, так-так, – вдумчиво протянул я. – Скажите, а откуда у вас перечисленные здесь ценные бумаги?

– От деда по наследству достались. Два года назад. Они хранятся у его душеприказчиков, а здесь – только список.

– Вы знаете, сколько они стоят?

– Когда я вступал в наследство, оценщики назвали мне общую стоимость. – Он произнес цифры вслух и как будто смутился... нет, даже опечалился.

– С тех пор они выросли в цене.

– На сколько?

– По сегодняшним рыночным ценам... они могут стоить около семисот пятидесяти тысяч долларов, мистер Фостер. Сэр.

Он ничуть не изменился в лице. Моя новость тронула его не сильнее, чем прогноз погоды, предвещающий холодную зиму. Тут в гостиной послышались шаги Альмы, и он вскинул брови.

– Ш-ш-ш!

– Она не знает?

– Боже, да нет, конечно! – воскликнул он и тут же, словно удивившись собственной горячности, добавил: – Всеу свое время.

– Если вы отдадите мне список, я перешлю его в наш нью-йоркский офис и через некоторое время предоставлю вам полный анализ рынка с рекомендациями, – прошептал я. – Можно называть вас Герберт, сэр?

Мой клиент, Герберт Фостер, уже три года не покупал себе новых костюмов, да что там: у него и второй пары башмаков не было. Он с трудом наскребал деньги на оплату кредита за подержанную машину, а вместо мяса ел сыр и рыбу, потому что мясо было им не по карману. Его жена сама шила себе одежду, и костюмчик Герберта-младшего, занавески и покрывала в их доме были пошиты из той же материи – видимо, она купила на распродаже целый рулон. Каждую зиму они мучительно решали, что в итоге выйдет дешевле, новые покрывки или подержанные, а телевизор ходили смотреть к соседям. Словом, крошечной зарплаты бухгалтера, которую Герберт приносил из бакалейной лавки, едва хватало на то, чтобы сводить концы с концами.

Господь свидетель, бедность не порок, и такая жизнь, пожалуй, куда достойней моего существования, но мне странно было смотреть на эту нищету и знать, что настоящий доход Герберта после выплаты всех налогов составляет около двадцати тысяч долларов в год.

Я показал портфель Фостера нашим аналитикам и попросил сделать подробный отчет о возможностях роста, рисках, ожидаемых доходах, влиянии войны и мира на фондовый рынок, инфляции, дефляции и всем прочем. Отчет занял двадцать страниц – рекорд среди моих клиентов. Обычно такие отчеты переплетают в картонные папки. Папка Герберта была из красной искусственной кожи.

Она прибыла ко мне домой воскресным днем, и я сразу позвонил Герберту. Новость была потрясающая: оказывается, я недооценил его портфель и на тот момент он стоил почти восемьсот пятьдесят тысяч долларов.

– Я получил анализ и рекомендации, – сказал я в трубку. – Дела у вас идут прекрасно, мистер Фостер. – Местами лучше диверсифицировать вложения, сделать больше упора на рост, но в целом...

– Делайте все, что сочтете нужным, – сказал он.

– Когда мы сможем это обсудить? Все нужно тщательно обговорить и продумать. Сегодня вечером я свободен.

– А я работаю.

– Сверхурочно в бакалейной лавке?

– Нет, у меня есть вторая работа, в ресторане. По пятницам, субботам и воскресеньям.

Я поморщился. Человек зарабатывает семьдесят пять долларов в день на одних акциях, а сам горбатится по вечерам в выходные, чтобы свести концы с концами!

– Как насчет понедельника?

– Играю на органе в церковном хоре.

– Вторник?

– Работаю добровольцем в пожарной части.

– Среда?

– Играю в церкви для кружка народных танцев.

– Четверг?

– Мы с Альмой идем в кино.

– Тогда предложите сами какой-нибудь день!

– Зачем вам я? Не бойтесь, поступайте как сочтете нужным.

– Разве вам не хочется в этом участвовать?

– Это обязательно?

– Мне было бы спокойней.

– Хорошо, давайте вместе пообедаем во вторник.

– Отлично! Может, вы до тех пор ознакомитесь с отчетом? Подготовьте вопросы...

– Ладно, ладно, ладно! – раздраженно буркнул он. – Я буду дома до девяти вечера. Заезжайте.

– Еще одно, Герберт. – Я припас самое сладкое напоследок. – Оказывается, я здорово недооценил ваш портфель! Он сейчас стоит порядка восьмисот пятидесяти тысяч.

– Ага.

– Это значит, что вы на сто тысяч богаче, чем думали!

– Понял, понял. Что ж, дальше действуйте как сочтете нужным.

– Да, сэр.

Он повесил трубку.

Я задержался на другой встрече и подъехал к дому Фостеров только в четверть десятого. Герберт уже ушел. Дверь открыла Альма и, к моему вящему удивлению, попросила отчет, который я прятал под плащом.

– Герберт запретил мне смотреть, так что не бойтесь, я не буду подглядывать.

– Он вам все рассказал? – осторожно спросил я.

– Да. Говорит, это конфиденциальный отчет о ценных бумагах, которые вы хотите ему продать.

– Гм... верно... Что ж, раз он велел передать его вам, держите.

– Он предупредил, что обещал никому его не показывать.

– А? Ну да, ну да. Вы уж не обижайтесь, таковы правила нашей фирмы.

Альма была несколько неприветлива.

– Я и не глядя на всякие там отчеты могу сказать, мистер, что не позволю Герберту обналичить наши облигации, чтобы купить у вас бумаги.

– Я бы никогда не предложил ему этого, миссис Фостер.

– Тогда чего вы к нему пристали?

– Он перспективный клиент... – Я опустил глаза на руки и увидел, что на прошлой встрече испачкался чернилами. – Разрешите воспользоваться вашей ванной?

Альма неохотно пустила меня внутрь, держась от меня как можно дальше – насколько позволяла скромная планировка их дома.

Моя руки, я думал о списке акций, который Герберт выудил из-за гипсокартонной стены. На такой доход он мог позволить себе зимовать во Флориде, лакомиться бифштексами из самой нежной вырезки, пить двенадцатилетний бурбон, ездить на «ягуаре», носить шелковое белье и туфли ручной работы, отправиться в кругосветный круиз... да что душе угодно! Я тяжело вздохнул, поглядев на раскисшее мыло в мыльнице, слепленное из нескольких крошечных обмылков.

Поблагодарив Альму, я шагнул к выходу, но на секунду замер перед каминной полкой: на ней стояла маленькая подкрашенная фотография.

– Очень удачный снимок, – сказал я в слабой попытке наладить «связь с общественностью». – Вы прекрасно здесь получились.

– Все так говорят. Это не я, это мама Герберта.

– Поразительное сходство! – Я не солгал. Герберт, оказывается, женился на точной копии девушки, которую взял в жены его любимый старик. – А это его отец?

– Нет, мой. Фотографий его отца мы дома не держим.

Так-так, большая мозоль. Если наступить на нее посильней, можно выяснить немало интересного.

– Герберт такой замечательный человек... Наверняка и отец у него такой же, нет?

– Он сбежал от жены и ребенка, такой он замечательный. Лучше помалкивайте о нем при Герберте.

– Простите. Так значит, Герберт пошел в мать?

– Она была святая. Это она воспитала Герберта благородным, добрым и верующим, – мрачно ответила Альма.

– Она тоже любила музыку?

– Нет, сам музыкальный дар ему достался от отца, а вот вкус – от матери. Герберт любит классику.

– А отец, я так понимаю, был джазменом? – предположил я.

– Да, долбил по клавишам во всяких кабаках. Только и знал, что курить и наливаться джином! До жены и ребенка ему дела не было. В конечном счете мама Герберта поставила его перед выбором: или семья, или джаз.

Я понимающе кивнул. Видимо, Герберт не хотел притрагиваться к дедову наследству, потому что оно пришло по линии отца.

– А дедушка Герберта... ну, который умер два года назад?

– Он помогал маме и Герберту, когда они остались одни. Герберт перед ним преклонялся. – Она с грустью покачала головой. – Умер в нищете...

– Бедняга.

– Нам, конечно, ничего не досталось – а я так хотела, чтобы Герберт перестал работать по выходным!

Мы с Гербертом встретились во вторник и среди гомона, лязга и звона закуской, где он обычно обедал, попытались обсудить его планы на будущее. Обед был за мой счет – вернее, за счет моей компании, – и я спрятал в карман чек на восемьдесят семь центов.

– Итак, Герберт, прежде чем обсуждать дальнейшие действия, вы должны решить, чего хотите от своих вложений: роста или дохода. – То была стандартная фраза всех консультантов. Бог знает, чего он хотел от вложений. Явно не того, чего обычно хотят люди, – то есть денег.

– Поступайте как знаете, – равнодушно проговорил Герберт. Он был чем-то расстроен и не обращал на меня внимания.

– Герберт... послушайте, вы должны смириться с этим: вы богатый человек. И теперь ваша цель – выжать как можно больше из своих вложений.

– Потому-то я и обратился к вам. Пусть это будет вашей целью. Не хочу забивать голову всеми этими процентами, налогами и рисками – это ваша задача, а не моя.

– Ваши адвокаты, полагаю, перечисляли дивиденды на счет в банке?

– Большую часть. На Рождество я взял оттуда тридцать два доллара и еще сотню пожертвовал церкви.

– И каков ваш баланс на сегодняшний день?

Он вручил мне сберегательную книжку.

– Неплохо, – сказал я. После того как Герберт раскошелся на Рождество и церковь, на счету у него осталось 50 227 долларов 33 центра. – Позвольте спросить, о чем может печалиться человек с таким балансом?

– Опять получил нагоняй на работе.

– Купите эту несчастную лавку и сожгите, – предложил я.

– А что, я бы мог, правда? – Его глаза на миг сверкнули безумным блеском и вновь потухли.

– Герберт, вы можете позволить себе все, что заблагорассудится.

– Пожалуй, вы правы. Но тут ведь как посмотреть...

Я подался ближе.

– И как же вы на это смотрите?

– Я считаю, что всякий уважающий себя мужчина должен сам зарабатывать себе на жизнь.

– Но, Герберт...

– У меня чудесная жена и ребенок, славный дом, машина... Все это я заработал честным трудом. У меня есть обязательства – и я их выполняю. Могу с гордостью сказать, что оправдал надежды матери и ничуть не похож на своего отца.

– А каким был ваш отец, если не секрет?

– Я не люблю о нем говорить. Дом и семья ничего для него не значили. Больше всего на свете он любил низкопробную музыку и кабаки.

– Но музыкантом он был хорошим?

– Хорошим? – На миг в его голосе послышалось даже волнение, он весь напрягся, словно хотел сказать нечто важное, но потом вновь обмяк и равнодушно продолжил: – Хорошим? Ну да, в каком-то смысле... техника у него была неплохая.

– И вы это унаследовали.

– Запястья и руки – может быть. Слава Богу, больше во мне от отца ничего нет.

– И еще любовь к музыке.

– Я люблю музыку, но никогда не позволю ей стать для меня наркотиком! – проговорил он с чуть излишним жаром.

– Так-так... Понятно.

– Никогда!

– Простите?

– Я говорю, что музыка никогда не будет для меня наркотиком! Я придаю ей большое значение, но это я хозяин музыки, а не наоборот.

По-видимому, я нащупал очередную болезненную тему, поэтому решил быстренько вернуться к теме финансов.

– Ясно. Так насчет вашего портфеля: что вы собираетесь с ним делать?

– Немного уйдет на нашу с Альмой старость, а все остальное отдам сыну.

– Но вы уже сейчас можете перестать работать по выходным!

Он резко вскочил.

– Послушайте. Я попросил вас заняться моими финансами, а не жизнью. Если вы на это не способны, я найду другого специалиста.

– Что вы, Герберт... мистер Фостер. Прошу прощения, сэр. Я только пытаюсь нарисовать цельную картину, чтобы наилучшим образом распорядиться вашими средствами.

Он сел, красный как рак.

– В таком случае вы должны уважать мои убеждения. Я хочу жить так, а не иначе. Если я решил гнуть спину без выходных, это мой крест, и нести его мне.

– Конечно, разумеется! И вы правы, я уважаю вас за этот шаг. – Будь моя воля, я бы сдал его в психушку. – Можете полностью доверить мне свои финансы. Ни о чем не волнуйтесь, я вложу ваши дивиденды наилучшим образом.

Гадая над жизненными воззрениями Герберта, я ненароком взглянул на проходившую мимо эффектную блондинку. Герберт что-то пробурчал.

– Простите? – переспросил я.

– «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя», – повторил Герберт.

Я оценил шутку и засмеялся, но тут же умолк. Мой клиент был совершенно серьезен.

– Что ж, скоро вы расплатитесь с кредитом на машину и сможете со спокойным сердцем отдыхать по выходным! И вам действительно есть чем гордиться, не так ли? Собственным потом и кровью заработали на целую машину – до самой выхлопной трубы!

– Один платеж остался.

– И можно распрощаться с рестораном!

– Но потом я хочу купить Альме подарок на день рождения. Телевизор.

– Его вы тоже решили заработать сами?

– А вы представьте, какой это будет прекрасный подарок – от всего сердца!

– Да, сэр... И вашей жене будет чем заняться в выходные.

– Два года работы по выходным – ничтожная плата за счастье, которое мне дарит Альма.

Я подумал, что если фондовый рынок и дальше будет развиваться теми темпами, которыми он развивался последние три года, Герберт станет миллионером аккурат к тому времени, когда внесет последний платеж за телевизор для Альмы.

– Хорошо.

– Я люблю свою семью, – убежденно проговорил он.

– Не сомневаюсь.

– И не променяю такую жизнь ни на какие блага.

– Очень хорошо вас понимаю. – У меня возникло чувство, будто мы о чем-то спорим и Герберт горячо отстаивает свою точку зрения.

– Стоит только подумать, какая жизнь была у отца и какую веду я, и меня тут же охватывает блаженство. Я и не ведал, что такое блаженство возможно!

Не много же блаженств Герберт испытал на своем веку, подумал я.

- Завидую вам. Должно быть, вы по-настоящему счастливы.
- Счастлив, да-да! – убежденно повторил он. – Очень, очень счастлив.

Моя фирма вплотную занялась состоянием Фостера: ряд медленно растущих акций мы заменили на более доходные, выгодно вложили собранные дивиденды, диверсифицировали портфель с целью максимально сократить риски – словом, привели финансы клиента в должную форму. Собрать продуманный портфель – тоже своего рода искусство (и дело даже не в дороговизне), где главными темами можно назвать промышленность, железные дороги и энергетику, а темами более доступными и увлекательными – электронику, полуфабрикаты, фармацевтику, авиацию, нефть и газ. Портфолио Герберта стало нашим шедевром. Я был горд и заворожен успехами нашей фирмы, но меня очень расстраивало, что я не могу похвастать ими перед клиентом.

Это было выше моих сил, и однажды я решил подстроить нам встречу: узнать название ресторана, в котором работал Герберт, и случайно зайти туда поужинать. Подробный отчет о проведенных нашей фирмой работах ненароком окажется при мне.

Я позвонил Альме, и та назвала мне ресторан – признаться, я никогда о таком не слышал. Герберт не любил говорить об этом месте, поэтому я решил, что оно довольно мрачное – «крест», по его собственному выражению.

Ресторан оказался даже хуже, чем я рассчитывал: душный, темный и шумный. Герберт выбрал себе настоящий ад, чтобы искупить грехи отца, или продемонстрировать признательность жене, или не упасть в собственных глазах, или что он там еще забыл.

Я стал протискиваться мимо скучающих женщин и подозрительных типов к барной стойке. Чтобы бармен меня услышал, пришлось кричать. Тот проорал в ответ, что знать не знает человека по имени Герберт Фостер. Видимо, он выполнял совсем уж грязную работу на кухне или в подвале. Что ж, обычное дело.

На кухне какая-то карга жарила сомнительного вида котлеты и посасывала пиво из бутылки.

- Я ищу Герберта Фостера.
- Здесь никакого Фостера нету.
- А в подвале?
- И в подвале нету!
- Вы вообще не знаете этого человека?
- Не знаю я никакого Фостера и знать не хочу!
- Спасибо.

Я сел за столик, чтобы все обдумать. Герберт, по-видимому, взял название ресторана из телефонного справочника, чтобы как-то объяснить Альме свое отсутствие по выходным. Мне даже полегчало: выходит, у Герберта все-таки были причины не притрагиваться к восьмистам пятидесяти тысячам, а мне он просто вешал лапшу на уши. Я тут же вспомнил, как он морщился, стоило мне заговорить о свободных вечерах: точно у него под ухом запустили борма-шинку. Да-да, теперь я понял: как только Альма узнает, что муж богат, у него больше не будет повода удирать из дому по выходным.

Но что же было Герберту дороже восьмисот пятидесяти тысяч долларов? Наркотики? Спиртное? Женщины? Я вздохнул: ничегошеньки, конечно, не прояснилось. На подлость Герберт был не способен. Если он и мутит воду, то по какой-то уважительной и благородной причине. Мама так хорошо поработала над его воспитанием, а сам Герберт так искренне презирал отца, что я не сомневался: действовать он способен лишь из самых благих побуждений. Я сдался и заказал себе стаканчик – решил пропустить немного на ночь.

И тут я увидел, как сквозь толпу продирается Герберт Фостер – крайне побитый и загнанный на вид. На лице у него застыла гримаса крайнего неодобрения, точно у праведника в Вави-

лоне. Двигался он как деревянный, прижав руки к бокам, чтобы никого ненароком не задеть и ни с кем не встретиться взглядом. Несомненно, сама обстановка оскорбляла благородные чувства Герберта.

Я окликнул его, но он как будто не услышал. Дозваться его было невозможно: Герберт полностью отгородился от происходящего вокруг и едва не впал в кому, вознамерившись не видеть, не слышать и не делать зла.

Толпа в задней части зала расступилась перед ним, и я уж было решил, что сейчас он возьмет швабру и примется подметать, но в дальнем конце образовавшегося прохода вдруг вспыхнул свет, и я увидел крошечное белое пианино, сверкавшее в лучах прожектора точно драгоценный камень. Бармен поставил на пианино стакан с водой и вернулся за стойку.

Герберт смахнул пыль со скамеечки собственным носовым платком и с опаской сел. Достал из нагрудного кармана сигарету, закурил. Потом сигарета начала постепенно съезжать в уголок рта, а сам Герберт сгорбился над клавиатурой и прищурился, точно пытаясь разглядеть что-то на далеком горизонте.

И вдруг Герберт Фостер исчез. На его месте сидел взбудораженный веселый незнакомец, занесший над пианино руки-клешни. Он резко ударил по клавишам, и стены кабака сотрясла судорога похабного, второсортного, восхитительного джаза – горячий разудалый призрак двадцатых годов.

На ночь глядя я еще раз просмотрел портфель Герберта Фостера, известного в кабаке под прозвищем Огненный Гаррис. Самого Огненного Гарриса я в тот вечер беспокоить не стал.

Примерно через неделю его ждал большой куш от одной сталелитейной компании. По акциям трех нефтяных компаний ожидалось дополнительные дивиденды. Акции крупного производителя сельскохозяйственного оборудования, которых мы купили пять тысяч штук, выросли на три доллара каждая.

Благодаря мне, моей фирме и процветающей американской экономике состояние Герберта выросло бы еще на несколько тысяч долларов. У меня были все поводы для гордости, но триумф мой отдавал полынной горечью (комиссионные, впрочем, не отдавали).

Никто не мог помочь Герберту. Он уже добился в жизни всего, чего хотел, – причем задолго до получения наследства и нашего с ним знакомства. Он стал добропорядочным семьянином, каким его вымуштровала любимая матушка. Но был у него и другой повод для радости: маленькая зарплата, не оставлявшая ему иного выхода, как – во имя семейного очага, жены и ребенка – играть на пианино в кабаке, курить, наливаться джином и три вечера из семи быть Огненным Гаррисом, истинным сыном своего отца.

1951

Мисс соблазн

11

Пуританство осталось в таком далеком прошлом, что даже самые древние старухи не предлагали привязать Сюзанну к позорному столбу и даже самые древние фермеры не пеняли на ее дьявольскую красоту, когда коровы переставали доиться.

Сюзанна была актрисой в деревенском летнем театре – играла эпизодические роли и жила в съемной комнатке над пожарной частью. За целое лето она успела стать частью деревенской жизни, но поселяне так и не смогли к ней привыкнуть. Она по-прежнему удивляла и восхищала их своей красотой – совсем как новенький огнетушитель.

Пушистые волосы Сюзанны и огромные глаза-блюзда были черны как ночь, а кожа бела как сливки. Бедра ее напоминали лиру, а пышная грудь пробуждала в мужских головах мечты о вечном покое и изобилии. В нежных розовых ушках она носила варварские золотые обручи, а на щиколотках – браслеты с бубенцами.

Сюзанна ходила босиком и спала до полудня. С наступлением этого часа все поселяне на главной улице теряли спокойствие, точно гончие перед грозой.

В полдень Сюзанна выходила на балкон своей комнаты: лениво потягивалась, наливала молоко черному коту, целовала кота, взбивала черные волосы, надевала серьги, запирала дверь и прятала ключик в бюстгальтер.

И тогда, царственно покачивая бедрами, она начинала свое неспешное, будоражащее, звонкое шествие по деревне – сперва по ступеням крыльца, затем мимо винной лавки, мимо страхового бюро, агентства недвижимости, закусочной, мимо поста Американского легиона и церкви ко всегда людной аптеке. Там Сюзанна покупала нью-йоркские газеты.

Казалось, она благосклонно и томно кивает всему миру. Но единственным человеком, с которым она заговаривала, был Бирс Хинкли, семидесятидвухлетний аптекарь.

Старик всегда держал ее газеты наготове.

– Спасибо, мистер Хинкли! Вы ангел, – говорила Сюзанна, открывая первую попавшуюся газету. – Ну, посмотрим, что происходит в цивилизованном мире.

Под присмотром одурманенного ее духами старика Сюзанна смеялась, охала и хмурилась газетным новостям – она никогда не говорила, каким именно.

Наконец она забирала газеты и возвращалась с ними в свое гнездышко над пожарной частью. Застыв на крыльце, выуживала из бюстгальтера ключ, отпирала дверь, брала на руки черного кота, снова его целовала и скрывалась в комнате.

Сей пышный ритуал с участием единственной девушки повторялся на протяжении всего лета изо дня в день, покуда однажды его не прервал долгий пронзительный скрип вращающегося стула, стоявшего возле аптечной стойки с газировкой.

Скрип этот прервал речь Сюзанны, не дав ей назвать мистера Хинкли ангелом. От скрипа чесалась голова и болели зубы. Сюзанна бросила милостивый взгляд в направлении скрипа, заранее простив виновника. Но виновник, как выяснилось, вовсе не ждал прощения.

Стул заскрипел под капралом Норманом Фуллером, вернувшимся домой после полутора безрадостных лет службы в Корее. Войны за эти полтора года не случилось, но и хорошего было мало. Фуллер медленно крутнулся на стуле, желая пробуравить Сюзанну недовольным взглядом. Когда скрип затих, в аптеке воцарилась мертвая тишина.

Фуллер разрушил очарование летнего дня на морском побережье и напомнил всем присутствующим о темных потаенных страстях, что так часто движут человеком.

Он вполне мог оказаться братом, пришедшим вызволять сестру-идiotку из злачного заведения, или ревнивым мужем, явившимся в салун за нерадивой женой, бросившей дома ребенка. Но капрал Фуллер видел Сюзанну впервые в жизни.

Вообще-то он не собирался устраивать сцену. И даже не знал, что его стул заскрипит. Наоборот, он хотел скрыть свой гнев, сделать его лишь незначительной деталью на фоне ритуального шествия Сюзанны по деревне – деталью, которую подметят лишь один или два истинных ценителя комедии человеческих отношений. Однако скрип вращающегося стула поместил гнев капрала Фуллера прямо в центр солнечной системы всех посетителей аптеки – и особенно самой Сюзанны. Время остановилось и не могло двинуться дальше, пока Фуллер не объяснил бы недовольного выражения на своем каменном лице.

Фуллеру показалось, что его щеки горят точно раскаленная медь. Он пытался осмыслить свою судьбу. Судьба вдруг дала ему аудиенцию и поставила в положение, где он просто не мог не выговориться.

Фуллер почувствовал, как зашевелились его губы и с них сами собой слетели слова:

– Это еще кто такая?

– Простите? – удивленно спросила Сюзанна и загордилась от него газетами.

– Я видел, как вы шли по улице – ни дать ни взять цирк на выезде. Вот и подумал: кто вы такая? – пояснил Фуллер.

Сюзанна обворожительно покраснела.

– Я... я актриса.

– Ах да, точно. Американки – лучшие актрисы в мире!

– Спасибо, очень приятно, – с тревогой проговорила Сюзанна.

Щеки Фуллера вспыхнули еще жарче. Его разум вдруг превратился в фонтан метких изощренных фраз.

– Я имею в виду не театр. Я про жизнь говорю, в которой мы все актеры. Американки одеваются и ведут себя так, словно готовы подарить тебе целый мир. А стоит протянуть руку – они положат в нее ледышку.

– Да что вы, – выдавила Сюзанна.

– Именно так, – подтвердил Фуллер. – И пора уже кому-то сказать это вслух. – Он с вызовом поглядел на присутствующих и заметил в их глазах что-то вроде потрясенного одобрения. – Это несправедливо!

– Что? – не поняла Сюзанна.

– Вот вы приходите сюда... такая вся в бубенчиках, чтоб я смотрел на ваши щиколотки и розовые ножки, – завелся Фуллер. – Целуете своего кота, чтоб я воображал себя на его месте. Называете старика ангелом, чтоб я представлял, каково это – слышать от вас ласковые слова. Прячете ключ на виду у всех, чтоб я только и думал о том, где он лежит.

Фуллер встал.

– Мисс, – полным горечи голосом выдавил он, – от вашего поведения простых ребят вроде меня мандраж бьет, но если я стану падать в пропасть, вы ведь даже руки мне не протянете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.